

Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

В. Керженцевъ.

СОЮЗНИКИ и РОССІЯ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго
Комитета Совѣтовъ Р., С., К. и К. Депутатовъ.
МОСКВА.—1918.

КНИГИ В. КЕРЖЕНЦЕВА.

Англія и англичане. (Очерки современной Англіи.) **3** р.

Содержаніе:—Англія, Шотландія и Ирландія.—Англійскій го Англійская деревня.—Государственный строй.—Политическія па Права гражданъ.— Мѣстное самоуправленіе.—Образованіе.— скій рабочій.— Женское движеніе.—Пресса.—Литература.— К

Новая Англія. (Англія во время войны.) **2** руб. **60**

Содержаніе: —Англія наканунѣ войны.— Политическія перем Экономическая реорганизація страны.—Гражданскія свободы.- чая Англія.—Женщины и дѣти во время войны.—Психологія во Проблемы будущаго.

Союзники и Россія.

Содержаніе: Союзники царизма.— Россія въ міровой во Европа и русская революція.— Отклики революціи.— Врем. тельство и союзники.—Послѣ октябрьской революціи.—„Волок сидѣнье".—Нападеніе союзниковъ на Россію.—Союзники и реа Истинные союзники Россіи. **1** р. **80** коп.

Библіотека коммуниста. Систематическій указатель листической литературы. 4-е, переработанное и д ненное изд. (Печатается.)

Творческій театръ. Пути соціалистическаго театр дополн. изд. **3** руб.

Содержаніе: Театръ сегодняшняго дня.— Реформаторы те Театръ народа.—Соціалистическій театръ.—Созиданіе пролета театра.—Репертуаръ.—Новые пути театра.—Народныя праздне Искусство на улицѣ.

Революція и театръ.

Содержаніе: Національзація театра.— Театральная полит Есть ли у насъ государственный театръ.—Задачи государств кинематографа.— Строительство пролетарскаго театра. (Печат

Борьба за землю и волю въ Ирландіи. 2-ое изд.

Будда и буддизмъ. 3-е изд. (Печатается).

Какъ вести собранія. 2-ое, дополн. изд. **60** к.

Республики молодежи. (Изъ американскихъ впечатл **40** коп.

Столица Англіи. Прогулки по Лондону. (Печатается).

Газета. Организація и техника газетнаго дѣла. (Печата

Революціонная Ирландія. Очерки революціонной бо въ Ирландіи. **5** руб.

Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

В. Керженцевъ.

СОЮЗНИКИ И РОССІЯ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго
Комитета Совѣтовъ Р., С., К. и К. Депутатовъ:
МОСКВА.—1918.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1918 г.

СОЮЗНИКИ И РОССIЯ.

ГЛАВА I.

Союники царизма.

Среди союзников Россiйской Имперiи первое мѣсто исторически принадлежит Францiи. Третья Республика явилась первой крупной державой, которая охотно пошла на тѣсное сближенiе с реакцiонной монархiей. К моменту начала мiровой войны слова о «традицiонной дружбѣ» Францiи и Россiи и о «взаимных обязательствах» этих двух стран были уже заѣзженными труизмами. Русскiй двор дѣлал визиты французскому президенту, а министры республики посѣщали Царское Село. В дни торжеств франко-русскаго алліанса французской марсельезѣ разрѣшалось звучать рядом с «Боже, царя храни». Безчисленныя, ловко сорганизованныя встрѣчи и «визиты», привѣтственныя телеграммы и уличныя манифестацiи должны были воочiю показать, как глубоки и искренни чувства «народов» Францiи и Россiи, «заключивших этот союз».

Благодаря царской цензурѣ и давленiю на печать во Францiи, русско-французскiй союз интерпретировался исключительно с офицiальной точки зрѣнiя. Не было не только книг, но даже и статей, раз'яснявших истинный смысл этого страннаго на первый взгляд сожительства православной самодержавной монархiи с «вольнодумной» и «безбожной» Францiей. Вся заносчивая своей гордостью буржуазная печать Францiи самым откровенным образом покупалась на средства русской казны и, разумѣется, умѣла находить тон, угодный романовскому деспотизму. Печать русская или точно так же оплачивалась за искреннiя свои симпатiи алліансу, или не имѣла возможности говорить то, что думалось, или полунаивно полагала, что союз с республикой является

какимъ-то этапом по освобожденію Россіи от неограниченнаго самодержавія. Именно на этой позиціи стояла русская либеральная печать, так часто в теченіе послѣдних десятилѣтій обнаруживавшая свою политическую близорукость и элементарное непониманіе совершающихся міровых событій.

А широким массам Франціи и Россіи пресловутая дружба демонстрировалась в видѣ посѣщенія Тулона русскими моряками, русско-французской выставки, трехцвѣтных значков, агитаціи г-жи Адан и тому подобных пошлостей.

Основной смысл русско-французскаго сближенія был элементарен до грубости. Это не была случайная интрижка русскаго черноземнаго самодержавнаго барина с легкомысленной, но предусмотрительной гризеткой. Это был подлинный, тяжеловѣсный, законный брак по расчету. Сперва ѣздили сваты и свахи. Было взаимно учтено приданое и источники дохода. Были приняты в расчет фамильныя связи и общественное положеніе. Был составлен формальный контракт. Одним словом, мѣщанскій брак был совершен согласно ритуалу, освященному пошлостью и традиціей многовѣковаго французскаго мѣщанства и россійскаго самодержавнаго самодурства.

Брак по расчету сулил выгоды обѣим сторонам. Для Франціи русская держава была сильным военным союзником в ожидавшейся войнѣ против Германіи. Как раз в серединѣ 80 гг., когда Франція стояла перед перспективой такой второй войны, и возникли первые переговоры о сближеніи республики с царской монархіей. Только в союзѣ с Россіей Франція получала нѣкоторую увѣренность на то, что ей не грозит новый Седан. Русскіе мужики должны были встать под ружье для защиты третьей республики против опасной сосѣдки, которая с такой небывалой энергіей обгоняла всѣ страны в области промышленной и военной.

Чтобы оплатить эти услуги, обѣщанныя царизмом, французская буржуазія согласилась размѣстить у себя нѣсколько россійских займов. Эта помощь деньгами была для французских рантье одной из выгоднѣйших финансовых операцій. Русскія бумаги давали процент, до тѣх пор не извѣстный на французской биржѣ, и, несомнѣнно, пріобрѣли нѣжную к себѣ привязанность со стороны всего французскаго мѣщанства. Можно сказать, любовь французов к Россіи олицетворялась в этих симпатіях к русским займам. Самым популярным сочетаніем слов стало не «l'art russe», «la musique russe» или даже «le paysant russe», а «des papiers russes» и «l'emprunte russe». Франція при помощи русскаго царизма наняла себѣ по сходной цѣнѣ надежнаго ландскнехта, да еще ухитрялась

наживаться на этих ссудах под кровь русскаго мужика. Это была самая циничная, откровенная сдѣлка, едва прикрытая блудливым краснобайством продажной печати.

Для русскаго самодержавія союз с Франціей прежде всего был цѣнен по своим финансовым результатам. Французская биржа дала в руки послѣдних Романовых тѣ средства, которыя были необходимы самодержавію в его послѣдней борьбѣ за существованіе. Именно благодаря поддержкѣ иностраннаго капитала русскій царизм смог продержаться так долго, несмотря на всю внутреннюю разруху, на обѣднѣніе страны, на хроническія голодовки, на растущее революціонное броженіе.

Укрѣпленіе гнилостнаго самодержавія — вот первая реальная помощь, которую оказал русскому народу пресловутый «алліанс». Именно французской биржѣ и правительству третьей республики русское революціонное движеніе обязано своими лишними жертвами и долгими годами отчаянной борьбы. Трон русскаго царя был воздвигнут на мѣшках с золотом французскаго рантье. Только это и сдѣлало его болѣе устойчивым.

Русско-французская «дружба», вопреки ожиданіям прекраснодушных либералов, явилась одним из оплотов міровой реакціи. В Россіи она помогла укрѣпленію самодержавія. Во Франціи она создала культ русскаго монархизма. Стремясь угодить Романовым, французское правительство проводило реакціоннѣйшую политику во всем, что касалось русскаго освободительнаго движенія. В этом случаѣ французское правительство слѣдовало не только указаніям из Петербурга, но и своим собственным симпатіям, ибо третья республика носила все время опредѣленно-реакціонный костюм. Поддержка же со стороны русской монархіи только помогала всѣм реакціонным шагам французскаго кабинета.

Таким образом столь прославленный продажными журналистами русско-французскій алліанс был по существу союзом, укрѣплявшим реакціонныя начала Европы. Формула самодержавный монарх плюс президент республики давала в итогѣ одну сумму — реакцію.

Историк борьбы человѣчества против абсолютистскаго и буржуазнаго гнета отмѣтит союз Россіи с Франціей, как одну из самых мрачных страниц в эпоху гибели капитализма.

Вторым по времени, а в эпоху міровой войны самым главным союзником Россіи сдѣлалась Англія. Соперничество на Ближнем, Среднем и Дальнем Востокѣ в теченіе долгаго времени раздѣляло интересы Англіи и Россіи. Три жупела постоянно чудились воображенію англійских патріотов. Им

рисовалась картина побѣдоноснаго похода русских войск через Закаспійскія области и Афганистан в Индію и потеря этой драгоцѣнной жемчужины для англійской короны. Они опасались торжества Россіи над Турціей, а в связи с этим— созданія угрозы и Египту и той же Индіи, не считая утери вліянія на всем Б. Востокѣ и по побережьям Средиземья. Наконецъ, им внушало опасенія расширеніе русских владѣній на Д. Востокѣ, особенно в областях Сѣв. Китая и Кореи.

Традиціонная враждебность англійскаго правительства к Россіи завершилась вмѣстѣ с русско-японской войной, инспирированной и поддержанной в лондонских сферах. Как скоро обнаружилось полное военное безсиліе самодержавія, англійскій кабинет, особенно в связи с угрожающим ростом военной мощи Германіи, начал искать путей сближенія с царизмом.

Как раз в эпоху первой русской революціи, за нѣсколько дней до созыва Первой Гос. Думы, лондонское Сити дало денег Николаю II и тѣм самым развязало ему руки в борьбѣ против революціи. Англія вступила на путь, протоернный Франціей. Царизм, получившій средства без санкціи населенія, уже не нуждался больше в маскѣ народнаго представительства и, не стѣсняясь, разогнал Г. Думу. Англійскій премьер произнес свою красивую фразу «La Douma est morte, vive la Douma», но эту фразу требовалось перевести так: «Дума убита англійским капиталом, да здравствует монархія».

Такова была первая, еще полуофиціальная услуга, оказанная новой претенденткой на дружбу с Россіей. Она не сулила ничего добраго. Ближайшее будущее показало, что новый союз будет разительно напоминать пресловутый черный франко-русскій алліанс.

Конечно, когда в 1907 г. стало извѣстно об офиціальном сближеніи Россіи с Англіей, россійская либеральная, а частью даже и болѣе лѣвая печать, стала разсыпаться в чрезмѣрных похвалах англійской націи, англійскому кабинету, англійской политикѣ. Союз с свободолюбивой Англіей представлялся россійским политическим маниловым, как какая-то побѣда над самодержавіем, хотя опыт сближенія с французской республикой должен был бы, казалось, научить нѣсколько больше осмотрительности в оцѣнках и предсказаніях. Надо отмѣтить, что среди англійскаго либерализма перспектива сближенія с царизмом не имѣла слишком много энтузіастов, но властный голос Сити был достаточно убѣдителен для тѣх, кто вершил дѣла тайной дипломатіи.

Первым реальным результатом англо-русскаго сближенія был раздѣл Персіи. Трудно подобрать болѣе яркую иллюстрацію безцеремонной расправы двух великих держав с маленькой націей. Трудно найти болѣе убѣдительный примѣр реакціонности внѣшней политики либеральнаго кабинета, стакнувшагося с самодержавным властителем.

Исторія Персіи в XIX и XX вв.—это печальная исторія безплодной борьбы за самостоятельность против Россіи, наступающей с сѣвера, и Англіи, протягивавшей свои щупальцы с юга.

Еще в началѣ XIX вѣка Россія лишила Персію права имѣть свой флот на Каспійском морѣ и мѣнять свои тарифныя ставки. Это было сдѣлано в интересах русских мануфактуристов и торговцев. К началу XX в. Россія вытѣсняет Англію с персидских рынков: в эту пору больше половины всей внѣшней торговли Персіи приходится на долю Россіи.

С 1890 г. Россія получила исключительное право на постройку жел. дорог в Персіи и она использовала эту привилегію для того, чтобы не строить там никаких дорог и тѣм лишить страну возможности свободно развиваться экономически.

Во время англо-бурской войны Россія стала единственным кредитором Персіи. Персія выплатила свой долгъ Англіи при посредствѣ русской казны и обязалась не заключать никакихъ займов без согласія и контроля Россіи.

Англія многія десятилѣтія являлась главной конкуренткой Россіи в борьбѣ за экономическое и политическое первенство в Персіи. Кромѣ чисто коммерческих интересов, Англія преслѣдовала и свои особыя стратегическія цѣли. Как раньше Англія укрѣплялась въ Афганистанѣ и Белуджистанѣ в цѣлях обезпеченія сѣверныхъ границ Индіи, так затѣм стала она усиливать свое вліяніе в прилегающих к ея владѣніям областях Персіи для той же единой задачи—сохраненія Индіи.

К тому же обладаніе Персіей давало и другое крупное преимущество,—захват Персидскаго залива. У англійских имперіалистов были даже еще болѣе смѣлые замыслы. Так, лорд Керсон в свою бытность вице-королем Индіи заявлял, что Мессопотамія должна явиться житницей Индіи и спасти ее от періодических голодовок. Путь же к Мессопотаміи лежал через Персію.

Появленіе в М. Азіи, а затѣм и в Персіи германскаго капитала заставил Англію и Россію позабыть о своем соперничествѣ. Германія стала быстро развивать коммерческія сношенія с Персіей, пыталась финансировать страну и помогала

персидским революціонерам, боровшимся за независимость Персіи против Англіи и Россіи.

Перед лицом этого энергичнаго, опаснаго конкурента Англія и Россія заключили извѣстное соглашеніе 1907 г., согласно которому были созданы «сферы вліянія» Россіи в сѣверных областях Персіи, а Англіи—в южных.

Одновременно с этим фактическим раздѣлом Персіи между царизмом и либеральным кабинетом Англіи, Эд. Грей издал офиціальное опроверженіе слухов о том, будто созданіе «сфер вліянія» является началом раздѣла Персіи. Грей категорически заявил, что «ни одна из обѣих держав не будет вмѣшиваться во внутреннія дѣла Персіи, если только не явится необходимость защитить жизнь и имущество их подданных; англо-русскіе переговоры не имѣют цѣлью нарушать независимости и неприкосновенности Персіи».

Эти красивыя слова (так разительно напоминающія заявленіе, сдѣланное Англіей послѣ захвата сѣвера Россіи) были нарушены очень скоро. Англія и Россія стали хозяйничать в Персіи, как в своей собственной провинціи. При этом намѣтилось своеобразное раздѣленіе труда: вся черная работа по разстрѣлам, усмиреніям, смертным казням, насиліям над персидскими революціонерами и т. д. была передана Россіи, достаточно зарекомендовавшей себя в дѣлѣ реакціонных погромов, Англія же взяла на себя болѣе деликатную работу в области финансов и высокой политикѣ вообще. Но при этом она энергично поддерживала всѣ насилія и разгромы, чинимые русскими властями.

Вскорѣ послѣ заключенія русско-англійскаго договора на персидскаго шаха было совершено таинственное покушеніе: в автомобиль шаха была брошена бомба, но шах ѣхал в другом экипажѣ и не пострадал. Покушавшійся не был разыскан. Согласно общему мнѣнію, покушеніе было провоцировано в интересах реакціи. Русскіе провокаторы и шпіоны в это время уже хозяйничали в Тавризѣ. Как бы то ни было, русскій представитель немедля заявил, что при малѣйшей активности со стороны націоналистов (стоявших за независимость Персіи) Россія вмѣшается вооруженной силой.

Вслѣд за тѣм шах, опираясь на помощь Россіи, предательски арестовал виднѣйших націоналистов. Ляхов со своей казачьей бригадой разстрѣлял парламент. Конституція была уничтожена.

Вскорѣ, однако, революція побѣдила еще раз и шах был низложен. Россія съ помощью Англіи настояла, чтобы Персія назначила свергнутому деспоту ежегодную пенсію в 170 тыс. рублей, но обѣщала помѣшать ему вести анти-персидскую

агитацію. Это обѣщаніе было пустой формальностью. Через какіе-нибудь полтора года шах, при непосредственном содѣйствіи Россіи, на русском пароходѣ прибыл в Персію и открыл военныя дѣйствія, но был снова разбит.

Англія не подумала протестовать против этих россійских реставраціонных авантюр, и со своей стороны тоже высадила отряды индійских войск в Буширѣ.

Пользуясь внутренней борьбой в Персіи, Англія и Россія взяли страну под свой полнѣйшій хозяйственный и финансовый контроль. Когда в Персію прибыл американскій финансист Шустер, вызванный персидским правительством для устройства финансовых дѣл страны, Англія и Россія, опасаясь возстановленія сильной независимой Персіи, начали энергичную кампанію против него и добились его удаленія.

В то же время продолжалось безнаказанное хозяйничанье русских войск, поощряемое поддержкой со стороны Англіи. Русскія войска захватили Тавриз, повѣсили восемь виднѣйших революціонеров, подвергли бомбардировкѣ священный храм в Мешедѣ и совершили другія безчинства.

В то же самое время Англія и Россія под угрозой новой карательной экспедиціи потребовали от Персіи признанія англо-русскаго договора и отказа имѣть свою собственную армію, кромѣ небольших отрядов.

К моменту войны большая часть Персіи была оккупирована чужеземными войсками и утратила всякую самостоятельность. Осенью 1916 г. Россія и Англія пред'явили, однако, новый ультиматум Персіи, требовавшій полнаго контроля над финансами и вооруженными силами страны. Кромѣ того, обѣ державы пожелали создать в самой Персіи отряды под управленіем русских и англійских офицеров.

Персы отвѣтили на это требованіе пассивным сопротивленіем. В отвѣт был послан новый ультиматум. Разразившаяся русская революція на время разстроила эту кампанію, но послѣ ухода русских войск Англія сама заняла Персію своими отрядами.

Такова поучительная исторія англо-русскаго сближенія и его непосредственных послѣдствій в области внѣшней политики.

Аналогичные результаты имѣл и союз царистской Россіи, заключенный с Японіей. Он тоже преслѣдовал цѣли размежеванья областей Китая между двумя недавними врагами. Это, как и в случаѣ с Англіей, была дружба во имя беззастѣнчивой дѣлежки страны, политически слабой и не могущей оказать серьезнаго сопротивленія насильникам.

Всѣ внѣшнія соглашенія царистской Россіи были, как видим, подчинены плохо прикрытым хищническим тенденціям и реакціонным вожделѣніям. Для держав, входивших в соглашеніе с царистской Россіей, кромѣ своих ближайших будничных цѣлей, рисовалась и возможная перспектива борьбы с Германіей. На этот случай Россіи отводилось вполнѣ опредѣленное мѣсто.

Прежде всего наши союзники спекулировали на 170 милліонах «русскаго населенія». Эта многомилліонная масса должна была выдѣлить гигантскую армію, которая, как лавина, ринется на Германію и раздавит ее своей численностью, закидает ее если не шапками, то своими собственными тѣлами.

Кромѣ того, союзники опредѣленно разсчитывали на безграничность русских территорій, дававших возможность не только легко жертвовать ими, но и далеко «до Урала» (по словам Родзянко) отступать, в случаѣ неудачи. Гигантская линія русскаго фронта должна была сама по себѣ потребовать от австро-германцев больших сил и этим облегчить побѣду союзников на Зап. фронтѣ.

За эту помощь «сѣвернаго медвѣдя» в годины войны против центральных имперій союзники готовы были пожертвовать новыми милліонами в видѣ ссуд и займов русскому самодержавію. Англо-французская биржа охотно котировала «цѣну крови» русскаго солдата и готова была платить золотом Николаю Романову за посылаемых им в бойню крестьян и рабочих.

ГЛАВА II.

Россія в міровой войнѣ.

Историку міровой войны, анализирующему причины, повлекшія за собой невиданную в прошлом кровавую бойню, придется подробно остановиться на одном существенном моментѣ — стремленіи правительств Европы путем войны с внѣшним врагом положить конец успѣхам соціализма и росту революціоннаго движенія среди рабочих масс.

Любопытно отмѣтить, что как раз мѣсяцы наканунѣ войны во многих странах были отмѣчены бурными выступленіями пролетаріата и обостреніем революціонной борьбы угнетенных народностей.

В Россіи «іюльскіе дни» 1914 знаменовали собой новый взлет рабочаго движенія. Знаменитая петербургская заба-

стовка сопровождалась столкновеніями съ полиціей и войсками, и на улицах столицы впервые послѣ 1905 г. были выстроены баррикады. Президент Пуанкаре, посѣтившій Россію как раз в эти дни, именно в цѣлях обсужденія возможных военных выступленій, мог собственными глазами убѣдиться, что с войной надо спѣшить, иначе ее опередит революція.

Англія в 1913—14 году чувствовала себя, как на вулканѣ. 1913 год был рекордным годом англійскаго рабочаго движенія по числу забастовок, первая половина 1914 обогнала и этот рекорд. Газеты открыто писали о грозящей революціи, о тревожном недовольствѣ рабочаго класса, о его крайнем полѣвѣніи. И дѣйствительно, в англійском пролетаріатѣ отчетливо намѣтился крутой перелом в сторону болѣе рѣшительной тактики.

В то же самое время Англіи угрожало кровавое возстаніе в Ирландіи. Все населеніе острова лихорадочно вооружалось и готовилось к вооруженной борьбѣ за независимость. Как раз за нѣсколько дней до начала войны, в то самое время, когда питерскіе рабочіе строили баррикады, ирландскіе революціонеры имѣли первую вооруженную стычку с англійскими войсками.

Почти так же неспокойно было и в богатѣйшей англійской колоніи—Индіи, гдѣ революціонное движеніе шаг за шагом вытѣсняло прежнюю полу-либеральную борьбу за широкое мѣстное самоуправленіе.

Во Франціи борьба соціалистов против 3-годичной военной службы показала всю напряженность классовой войны, угрожавшей самим основам буржуазной республики.

В Германіи медленно, но неуклонно росло число соціал-демократов и успѣхи соціалистических теорій.

«Красный призрак», воспѣтый Марксом, продолжал бродить по Европѣ, вселяя тревогу правительствам.

Начало войны сразу, почти одним ударом, перемѣнило положеніе в интересах правящих классов. Между недавними смертельными врагами был заключен позорный «гражданскій мир», который, как это очень скоро обнаружилось, был использован исключительно в интересах господствующих верхов общества. Пользуясь критическим внѣшним положеніем, всѣ правительства Европы, начиная отъ деспотической Россіи и кончая Англіей и Франціей, попытались желѣзной рукой подавить рабочее движеніе. Всюду на первом планѣ оказались консервативные и реакціонные элементы. Под прикрытіем военной цензуры, под охраной чрезвычайных законов господствующіе классы стали мобилизовать свои силы. Как союз центральных имперій, так и «Согласіе» одинаково рѣ-

шительно шли по линіи реакціоннѣйшей внутренней политики.

Одним из лозунгов новой политики гражданскаго мира было—не допускать ни малѣйшей критики, как своего собственнаго правительства, так и правительств союзных держав. Эта тактика была очень быстро усвоена всей буржуазной и соціал-патріотической печатью. Но пресса не только воздерживалась от критики, она считала своим долгом чрезмѣрно восхвалять все, что совершалось властью, и необузданно воспѣвать священное единеніе всѣх классов вокруг правительств. При этом систематически замалчивались не только всѣ промахи власти, но и всѣ малѣйшіе признаки недовольства и оппозиціи, существовавшіе в союзных странах.

Именно этот подхалимскій тон был усвоен союзной печатью и по отношенію к деспотическому самодержавію. Даже газеты, недавно рѣзко критиковавшія его, стали сразу ультра-монархическими и не находили слов для восхваленія мудрости Николая II и той любви, которую питают к нему его вѣрноподданные.

Прекращеніе петроградской стачки трактовалось в западно-европейской печати не иначе, как в таком стилѣ: «Россійскій пролетаріат, который, казалось, грозил новой революціей, узнав о дерзостных замыслах Германіи, побросал красные флаги и двинулся к дворцу с хоругвями, царским портретом и плакатами с надписью: «Об'единимся вокруг монарха, долой Германію». Эта пошлая и лживая версія много мѣсяцев странствовала по страницам всей печати союзников.

Такое безцеремонное извращеніе истины было лишь первым шагом к систематической кампаніи лжи и клеветы, сознательнаго обмана и безсознательнаго фальсифицированья.

И Франція и Англія возлагали на «русскаго великана» исключительныя чрезмѣрныя надежды. Им казалось, что русская армія без особаго труда сломит сопротивленіе центральных имперій и поможет союзникам без напряженія сил одержать славную побѣду. Поэтому всѣ союзныя газеты старались перещеголять друг друга в похвалах русскому генію, русскому мужику, русской мощи, патріотизму, любви к царю и родинѣ, храбрости и пр. и пр.

Даже болѣе независимая, чѣм гдѣ-либо в Европѣ, печать Англіи пошла этой же лицемѣрной тропой. В первые дни мірового конфликта и наканунѣ его в радикальной и либеральной англійской печати раздавались, правда, опасенія, как бы союз с монархической Россіей не оказался пагубным для свободной Англіи. Радикальная печать указывала, что

вряд ли совмѣстимо говорить о борьбѣ против прусскаго деспотизма и бюрократизма и в то же самое время протягивать дружескую руку самому азіатскому деспотизму в мірѣ.

Но захват Бельгіи, разгром англійской арміи, наступленіе на Париж очень быстро заставил даже эту печать обратить взоры упованія на русскій царизм и его военныя силы. На страницах «Панча» стали появляться картины, изображающія русскаго медвѣдя, вылѣзающаго из берлоги, чтобы расправиться с своими врагами. В печати было пущено сравненіе Россіи с «steam-roller'ом, т.-е. с локомобилем—трамбовкой, который движется медлительно, но давит все на своем пути.

И вот началась позорнѣйшая кампанія во славу русскаго царизма, в которой мнѣнія «Новаго Времени» выдавались за голос русскаго народа, а блудливыя заявленія Родзянок и Пуришкевичей трактовались, как отзвуки крестьянских настроеній.

Внутреннее положеніе Россіи изображалось в таком видѣ: весь народ, начиная от помѣщиков и кончая рабочими, всѣ партіи, от анархистов и кадетов до соціалистов, об'единились вокруг «обожаемаго» «вѣнценоснаго монарха». Весь народ ненавидит Германію, он жаждет воевать до конца, он стремится овладѣть Цареградом, он готов помочь любимой Франціи и дружеской Англіи.

Пошлыя заявленія членов Гос. Думы, позорныя статьи кадетских лидеров, искусственно создаваемыя манифестаціи— все это было использовано для созданія этого фальшиваго представленія о желаніях русскаго народа.

Эта фальсифицированная концепція русских настроеній систематически муссировалась в теченіе всѣх лѣт войны вплоть до сверженія Романовых.

Два человѣка особенно много сдѣлали в Англіи, чтобы извратить представленіе о дѣйствительном положеніи дѣл в Россіи — англійскій журналист Стифен Грэм (Graham) и русскій экс-трудовик Аладьин.

Первый еще задолго до войны в качествѣ корреспондента газеты «Таймс» и автора нѣскольких книг о Россіи стремился привить англійской публикѣ міровоззрѣніе «Новаго Времени». Этот талантливый журналист получил свое первое знакомство с Россіей в лондонском кружкѣ извѣстной ретроградки Новиковой, был обращен в православную вѣру, получил связи со всѣми виднѣйшими реакціонерами Россіи и явился в руках англійских консерваторов и русских монархистов благодарным орудіем реакціонной пропаганды.

С начала войны, как признанный «знаток русских дѣл», этот журналист принялся снабжать всю печать от правой до

соціалистической самыми возмутительными статьями о русских дѣлах, в которых верхоглядство и неосвѣдомленность сочетались с мистическим подхалимством и самым завзятым мракобѣсіем.

На поддержку этого господина появился «русскій революціонер», «вождь русской демократіи», «ex—депутат I-ой Гос. Думы», лидер трудовиков, эмигрант Аладьин. Все его прошлое, всѣ его титулы, так тѣсно связывавшіе его с русским революціонным движеніем, послужили лучшим матеріалом для персонофикаціи представленія об единеніи русскаго царя с народом, примиреніи революціонеров с монархіей.

Аладьин появился на политической аренѣ в подозрительном сообществѣ с англійскими консерваторами. Он начал выступать с докладами о Россіи на собраніях, гдѣ предсѣдательствовали Остин Чемберлен, лорд Мильнер, лорд Керсон и весь прочій цвѣт англійской реакціи. Смѣло афишируя себя, как революціонера и представителя русской демократіи, Аладьин постарался всѣми силами подкрѣпить то представленіе о Россіи, какое было создано англійской печатью. Он говорил об единеніи народа вокруг любимаго монарха, он славословил военный геній Николая Николаевича, он брал под свою защиту гоненія евреев, практиковавшіяся русским командованіем, он оклеймил именем нѣмецких наймитов тѣх русских революціонеров, которые не поддались на лозунги воинствующаго имперіализма.

В этой атмосферѣ извращенія истины и складывалось у англичан представленіе о русской дѣйствительности во время войны. Письма Бурцева и статьи Крапоткина, интервью с Милюковым и тому подобными дѣятелями добавляли новые штрихи к этой фальшивой концепціи.

Само англійское правительство с полицейской послѣдовательностью стояло на стражѣ русскаго царизма и не допускало ни одной строки, которая бы хоть в чем-либо разнилась от ходячаго представленія о Россіи, как о странѣ благополучія, вѣрноподданничества и единенія всѣх сил вокруг лозунга войны до конца.

Попытки русской эмиграціи опровергнуть небылицы Грэма и клевету Аладьина были пресѣчены военной цензурой. Газетам было строго-настрого воспрещено печатать о Россіи даже то, что свободно появлялось в русских подцензурных газетах. Ни одно из разоблаченій хищеній, желѣзнодорожных неурядиц, военных затрудненій и т. п. не попало на страницы англійской печати.

Англія так и не знала ни о процессѣ соціал-демократов (большевиков), ни об оппозиціонных рѣчах депутатов Гос. Думы, ни о статьях и рѣчах, касавшихся недостатка снарядов, ни даже о милюковских рѣчах против Штюрмера.

Всякая перепечатка даже из «Нов. Времени» не пропускалась англійской цензурой, если только в этом сообщеніи был хоть намек на россійскія неурядицы. Трудно представить себѣ болѣе безсмысленную и нелѣпую тактику, болѣе жалкую угодливость англійскаго кабинета перед самодержавным деспотом. В то самое время, когда вся русская печать, гонимая, подцензурная, рѣзко критиковала мѣропріятія правительства и печатала сообщенія о неурядицах, мѣшавших успѣшному веденію войны, пресса Англіи изо дня в день повторяла сказки об обожаемом монархѣ, об успѣшности военных дѣйствій, о налаженности индустріи, работавшей на оборону, о популярности и талантливости россійских военачальников и т. д. Рѣдко англійская пресса лгала больше и ослѣпленнѣе, чѣм в эти годы войны, в статьях о Россіи. За помощь в войнѣ против Германіи она платила царизму лакейским низкопоклонством. За кровь русских солдат, проливавшуюся по волѣ монарха всероссійскаго, Англія соглашалась поддержать царскую власть в его борьбѣ против угнетеннаго народа.

То же самое положеніе наблюдалось и во Франціи. Французская пресса, уже достаточно хорошо оплаченная из русской казны и до войны, продолжала свою прежнюю кампанію во славу самодержавія. Только тон печати стал еще болѣе безшабашным, разудалым, несдержанным в славословіях. К хору наемных писак из «Temps» и «Matin» присоединились и вновь обращенные поклонники русскаго монархизма из ex-соціалистов—Эрве, Тома и прочіе.

Эта монархическая кампанія сопровождалась параллельной травлей русских революціонеров, чего почти не замѣчалось в Англіи. И французское правительство (слѣдовавшее приказам из Петрограда) и французскія газеты поставили своей задачей стереть с лица земли ненавистных «русских нигилистов» и их печать.

Их гоненія обрушились на русскую эмиграцію и особенно на русскую газету, которая стояла на интернаціоналистской позиціи («Наше Слово» и его преемники). Изо дня в день французская цензура вычеркивала весь газетный матеріал без остатка и газета выходила с одним заголовком и какой-нибудь замѣткой в отдѣлѣ «хроники».

В то же самое время французская цензура, совсѣм так же, как и англійская, не допускала ни одной перепечатки из

русских легальных газет, раз только онѣ бросали хоть малѣйшій намек на неблагополучіе внутри россійской имперіи.

Так при содѣйствіи союзных правительств от населенія Англіи, Франціи и др. стран были скрыты грозные симптомы разложенія царистской монархіи и приближенія революціонного кризиса. До самого момента паденія самодержавія и отреченія Николая II почти никто в З. Европѣ и Америкѣ не подозрѣвал, что казавшаяся такой могучей имперія русских царей прогнила до корня и готова рухнуть. Вслѣдствіе нелѣпой тактики закрытых глаз для наших союзников русская революція явилась столь же неожиданной, как мессинское землетрясеніе.

Революція вывела Россію из строя воюющих держав, но русская армія за два с половиной года войны уже успѣла оказать союзникам неоцѣнимыя, незабываемыя услуги.

В первую зиму войны Англія не имѣла в своем распоряженіи войска, а Франція была не в силах одна выдержать натиск нѣмецких полчищ. Вплоть до второй зимы англійская армія во Франціи была совершенно ничтожной величиной, не имѣвшей никакого серьезнаго стратегическаго значенія.

Поэтому отвлеченіе значительных германских сил на русскій фронт явилось истинным спасеніем как для Франціи, так и для Англіи. Не надо забывать, что битва при Марнѣ окончилась в пользу французов не только благодаря доблести французских войск или талантливости генеральнаго штаба, но также и вслѣдствіе стремительнаго русскаго наступленія в Восточную Пруссію. В теченіе всего 1915 года только грандіозныя битвы русских войск в Польшѣ и Галиціи избавили Западный фронт от новаго германскаго наступленія.

Ни одна из воюющих стран не заплатила войнѣ такой тяжкой дани людьми и территоріей, как Россія. Ни одна не испытала большаго финансоваго и экономическаго потрясенія в связи с военными тяготами. Всѣ эти безчисленныя жертвы русскаго народа дали возможность союзникам, если не наступать, то хотя бы удержать фронт в стаціонарном положеніи. Благодаря сотням тысяч пожертвованных русских жизней, англійскій имперіализм успѣл собраться с силами и создать армію, способную к крупным самостоятельным операціям. Россія не только спасла Францію, она спасла также и Англію, ибо не введи она в бои свои милліоны, Париж был бы взят, французская армія смята, сѣверное побережье Франціи оккупировано нѣмцами, Великобританія изолирована.

Русскія войска существенно помогли союзникам и на других фронтах: они угрожали Болгаріи с тыла и помѣшали наступленію на союзный десант в Салониках, они помогли англичанам в Персіи, они обезопасили Индію от серьезных набѣгов из Афганистана и т. д.

Наконец, русскія войска были переброшены даже в самую Францію и здѣсь, хотя их третировали, как чернокожих, они доблестно сражались во славу французскаго имперіализма.

Всѣ беспристрастные историки войны должны были признать, что без участія Россіи на сторонѣ союзников Германія кончила бы войну очень быстро и одержала бы блистательную побѣду над Франціей и ея союзниками.

Сами союзники все время понимали, каким неоцѣненным помощником в их планах является Россія, и со своей стороны платили золотом русскому монарху за кровь его вѣрноподданных, посылаемых почти безо всякаго оружія умирать в жестоких битвах с германцами.

Эти услуги, однако, были сразу забыты, как только монархія была свергнута, и Россія, изнуренная непосильными жертвами, была вынуждена отказаться от дальнѣйшаго участія в войнѣ.

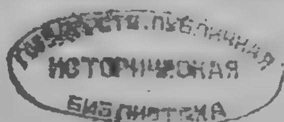
Славянскій раб был нужен союзному капитализму лишь до тѣх пор, покуда он был силен и воинственен, покорен и услужлив.

ГЛАВА III.

Европа и русская революція.

Первыя сообщенія о революціонном броженіи в Россіи, появившіяся в союзнической печати, касались февральских петроградских демонстрацій с лозунгом: «хлѣба!». Иностранные корреспонденты постарались изобразить это движеніе в самых беззаботных тонах и особенно подчеркивали «исключительно мирное и добродушное настроеніе толпы» и ея дружелюбное отношеніе к солдатам, вызванным усмирять движеніе. Согласно версіи, пущенной в европейскую печать, начавшееся движеніе не имѣло сколько-нибудь серьезнаго характера и об'яснялось естественными, но чисто временными, продовольственными затрудненіями.

Затѣм послѣдовал неожиданный перерыв в сношеніях с Петроградом. Два-три дня газеты не печатали никаких вѣстей из Россіи, и внезапно цѣлыя страницы заполнились

самыми неожиданными телеграммами о русских дѣлах: «Монархія свергнута», «Николай II отрекся», «Создан кабинет кн. Львова», «Отрекся Михаил Александрович», «Созывается Учредительное Собраніе» и т. д.

Даже извѣстіе о заключеніи мира не могло бы произвести на союзников болѣе потрясающаго впечатлѣнія, чѣм эти новости о русской революціи. Газеты попытались было заподозрить эти извѣстія, как сфабрикованныя в Германіи, но цѣлый ряд неопровержимых данных очень быстро обнаружил, что революція дѣйствительно совершилась и монархія Романовых, столь любезная сердцу союзников, опрокинута.

В теченіе нѣскольких лѣт населеніе союзных стран только и слышало о поѣздках Николая II на фронт, о патріотических манифестаціях, о необыкновенной популярности царя, исключительной преданности русскаго народа своему «вѣнценосному вождю». Оно знало о Россіи только одно: «Русскіе с воодушевленіем борются против Германіи за Царьград и проливы, ради этой цѣли всѣ классы страны об'единились под эгидой любимаго монарха». Оно ничего не слышало о Распутинѣ, Мануиловѣ или Сухомлиновѣ, кромѣ лживых похвал этим царедворцам. Оно не имѣло даже мысли о каком-либо серьезном недовольствѣ и броженіи в нѣдрах русскаго народа.

Как же было не прійти в изумленіе, когда послѣ недавних телеграмм о популярности монарха получилось сообщеніе о заключеніи самодержца под стражу.

Соціалистическая печать, разумѣется, встрѣтила сообщеніе о сверженіи самодержавія радостными привѣтствіями и сравнивала русскую революцію с «утренним гудком, дѣлающим предостереженіе всѣм паразитам и деспотам Европы». Даже радикальная и часть либеральной печати не могла не выразить своей радости по случаю «исчезновенія кошмара, который давил грудь всего либеральнаго міра» и гибели «послѣдняго, казавшагося непобѣдимым, оплота самодержавія», свидѣтельствовавшей о том, что отнынѣ «всѣ формы человѣческаго угнетенія осуждены на полное исчезновеніе».

Для большей части буржуазной печати союзников, равно как и для правительств Англіи и Франціи, гибель русской монархіи была явленіем опредѣленно непріятным и тревожным. Вмѣстѣ с революціей сразу лопалась, как мыльный пузырь, вся та изощренная, лживая концепція о Россіи и ея помощи в войнѣ, какая была создана путем долгих и хитросплетенных усилій. Впервые прозвучал над имперіализмом Европы предостерегающій сигнал народнаго недовольства.

Сверженіе Романовых наглядно показывало, что теорія гражданскаго мира в Россіи—чистѣйшая фикція. В странѣ, которая представлялась наиболѣе гарантированной от всяких неожиданностей гражданской борьбы, произошел рѣзкій катаклизм, повергшій в прах трехсотлѣтній царскій престол. У правящих кругов естественно зарождалось сомнѣніе: если в могучей военной монархіи возлюбленный монарх послѣ пяти дней уличных волненій в столицѣ оказывается развѣнчанным узником, то в чем гарантіи, что и европейскій гражданскій мир не лопнет так же внезапно. А крушеніе гражданскаго мира означало бы не только разгром союзников на полѣ битвы, но и гибель существующих правительств и пораженіе господствующих классов. Неудивительно, что русская революція сразу же вызвала к себѣ в этих кругах недовѣрчивое и чаще явно враждебное отношеніе. Имперіализм инстинктивно понимал, что русская революція нанесет ему тяжкіе удары. Союз с реакціонной монархіей вполнѣ соотвѣтствовал его духу. О своих возможных отношеніях с преобразованной и освобожденной Россіей он не мог имѣть яснаго представленія и опасался, как бы раскованная страна не пред'явила каких-либо новых притязаній или не отказалась от старых обязательств.

«А что будет с царскими обязательствами?» — такова была мысль у очень многих политических и финансовых дѣятелей союзных держав. Прежде всего интересовал вопрос о дальнѣйшем участіи Россіи в войнѣ. Будут ли русскіе солдаты попрежнему сражаться за союзников или нѣт? Это было главное. Ибо выйди Россія из ряда воюющих держав, и положеніе союзников рѣзко измѣнилось бы к худшему.

Особенно эгоистично подошла к русской революціи Франція. Она менѣе всего интересовалась судьбами русскаго народа, его тяготами и страданіями, его борьбой с угнетеніем и побѣдами над царской кабалой. Россія для нея олицетворялась русским солдатом, сражающимся против Германіи. Солдат воюет хорошо, Франція превозносит Россію. Солдат утомлен борьбой, Франція попрекает Россію.

Возлюбленный французской биржей царь россійскій сошел со сцены, и Франція заволновалась, будет ли теперь русскій мужик и рабочій воевать за союзников с прежней энергіей. И Франція и Англія стали понимать, что русская революція грозит выходом Россіи из войны и это опасеніе еще болѣе усиливало недружелюбное чувство наших союзников к Россіи. Пусть революція была благом для русскаго народа—до этого не было бы дѣла ни англичанам ни фран-

цузам. Она могла сдѣлать русскія войска небоеспособными,— а только это и интересовало союзников.

Впрочем, была и другая забота, опять-таки особенно у Франціи: что станется с царскими денежными обязательствами? Кто уплатит по ссудам из англійскаго казначейства? Кто покроет проценты по русским займам, размѣщенным во Франціи? Что станется с капиталами, помѣщенными союзниками в русскія предпріятія? А что, если русская революція аннулирует обязательства и не возмѣстит убытков союзных рантье? А что, если она не пожелает оплатить англійскія субсидіи, тысячекратно оплаченныя кровью, кромѣ того, и золотом?

Эти тревожныя соображенія усиливали злобную сдержанность союзников по отношенію к новой власти, которая шла на смѣну Романовым.

При желаніи хоть сколько-нибудь об'ективно отнестись к совершившемуся в Россіи перевороту пришлось бы установить слѣдующія неоспоримыя положенія: гражданскій мир в Россіи безповоротно нарушен волею низов населенія и страна вступила в бурный період внутренней войны; революція вызвана не только угнетеніем самодержавія, но точно так же и военной тяготой—она явилась протестом против продолженія войны; никаких надежд на дальнѣйшее участіе Россіи в мировой войнѣ нѣт и разсчитывать на выполненіе Россіей военных, а частью и финансовых обязательств царизма не приходится.

Сдѣлать эти самоочевидные выводы значило для союзнаго имперіализма—публично признаться в предшествовавшей фальсификаціи общественнаго мнѣнія о русских дѣлах и подписать смертный приговор всей имперіалистской концепціи войны, ведомой союзниками.

Поэтому трем указанным очевидным умозаключеніям было немедленно противопоставлено три совершенно противоположных вывода:

«Николай II свергнут, но это не только не значит, что гражданскій мир нарушен, а напротив, свидѣтельствует о еще большем единеніи всѣх классов: недаром рабочіе привѣтствуют Родзянко».

«Революція совершена не против войны, а именно ради продолженія войны до побѣднаго конца. Обновленная Россія двинет теперь в бой свои полки с большей энергіей и самоотверженностью. Романовы и были свергнуты в виду их стремленія к сепаратному миру: народ русскій ненавидит Германію и собирается воевать с ней не на жизнь, а на смерть».

«Разумѣется, новая Россія примет на себя всѣ обязательства, данныя царским правительством союзникам. Она примет всѣ торговые и военные договоры. Она уплатит по всѣм счетам. Она признает всѣ долги».

Чтобы оправдать эти фантастическія умозаключенія, которыя были созданы благодаря сознательному подлогу, искреннему невѣжеству и слѣпой вѣрѣ в незыблемость буржуазнаго символа вѣры, создалось своеобразное и исключительно примитивное толкованіе хода и смысла русской революціи.

«Госуд. Дума, гласило это толкованіе, сознавая, что старое царское правительство не может довести войны до полной побѣды, рѣшила взять власть в свои собственныя руки. Гос. Дума во главѣ с кадетами и октябристами совершила революцію, а рабочія массы и армія восторженно поддержали эти популярныя партіи и охотно пошли по пути, указанному Родзянко, Милюковым и другими».

Популярности этой фантастической версіи способствовали не только «своеобразныя» заявленія Милюкова и др., которыя дѣлались иностранным журналистам, но и безчисленныя сообщенія русских журналистов кадетскаго толка, находившихся за границей, и всевозможных коммерческих дѣльцов, занимавшихся в союзных странах спекуляціей, поставками и другими аферами.

В этой версіи было очень много элементов особенно пріятных Западно-Европейской буржуазіи. Она свидѣтельствовала, во-первых, что Россія рвется воевать и ради захвата Константинополя готова пойти на тяготы, связанныя с переворотом. Второе — власть, и послѣ сверженія самодержавія, находится в надежных («буржуазных»!) руках и низы, видимо, признали право буржуазіи и помѣщиков на первенство.

Оба эти обстоятельства были особенно на руку господствующим классам. Они подтверждали теорію «войны до конца» и укрѣпляли авторитет мудрой буржуазіи, «во всѣх странах пекущейся о благѣ государственном и имѣющей такой авторитет над широкими массами».

Чтобы сколько-нибудь вразумительно об'яснить неожиданную покорность и скромность рабочих и крестьян, так охотно забывших уроки 1905 года, союзная печать усиленно расписывала исключительную популярность земства в Россіи и сыпала безчисленные комплименты мудрости, опытности и популярности Милюкова, кн. Львова, Родзянко и прочих калифов на час. Дѣло дошло даже до интервью с извѣстным англійским соціал-патріотом Хайдманом, который с при-

сущим ему апломбом заявил, что «Милюков раньше принимал участіе в соціалистической партіи и поэтому до сих пор особенно популярен (!!) среди русских соціалистов».

Создав такую успокоительную теорію, союзный имперіализм немедленно задался мыслью, нельзя ли как-нибудь практически использовать происшедшія в Россіи перемѣны. Особенную энергію в этом отношеніи проявили Соед. Штаты.

Исчезновеніе монархіи и вмѣстѣ с ней гоненій на еврейство открыло новыя перспективы для заключенія торговаго договора между Россіей и Соед. Штатами. Учитывая эту возможность, американцы тотчас же стали намѣчать план завоеванія русских рынков и полученія в свои руки торговли, находившейся в нѣмецких руках. Перед американцами начали рисоваться заманчивыя картины того будущаго, когда С. Штаты со всей своей финансовой мощью и промышленным опытом придут на помощь Россіи и (конечно, за хорошій процент!) помогут «ея экономическому возрожденію и реорганизаціи».

Сейчас же послѣ первых вѣстей о революціи, американскія газеты и журналы запестрѣли статьями и замѣтками об экономических рессурсах Россіи, об ея минеральных богатствах, климатических особенностях, путях сообщенія. И тотчас же возник первый грандіозный проект залога всѣх русских желѣзных дорог американским капиталистам. Америка-де даст своей сестрѣ-республикѣ нѣсколько десятков милліардов долларов, но в обезпеченіе займа получит всю русскую желѣзнодорожную сѣть. Конечно, американцы проектировали также реорганизовать все желѣзнодорожное дѣло на новых началах, провести новыя линіи, пополнить подвижной состав и т. д., одним словом, образовать новый трест на русской почвѣ в грандіозном масштабѣ.

Вслѣд за этим проектом возник план об аналогичной «помощи» Россіи, о разработкѣ ея минеральных богатств, добычѣ золота, утилизаціи лѣсов и т. д. Намѣтился цѣлый поход американскаго капитала на русскую державу.

Однако, как в эти широкіе коммерческіе планы, так и в общее представленіе о ходѣ и смыслѣ русской революціи скоро была внесена нотка неувѣренности и сомнѣнія. Телеграммы из Россіи дѣлались все болѣе тревожными и странными, коренным образом нарушающими буржуазную идиллію, преподнесенную прессой.

Прежде всего наши союзники с горестным разочарованіем узнали, что в Россіи, кромѣ Гос. Думы и буржуазнаго Вр. Правительства из почтенных граждан в родѣ Гучкова и Родзянко, существует еще какой-то «Совѣт» каких-то депу-

татов, что представители рабочих и солдат также засѣдают в Таврическом дворцѣ, что над бывшими дворцами развѣвается пролетарскій красный флаг, а на улицах слышатся звуки Интернаціонала.

Сперва эти извѣстія о рабочих массах, не желающих больше оставаться на положеніи рабов, сообщались в исключительно глухой и загадочной формѣ. Затѣм в комментаріи союзной прессы стали вторгаться тревожные мотивы, так как все чаще появлялись извѣстія, опрокидывающія вверх дном удобное и уютное для буржуазіи представленіе о ходѣ русской революціи и роли в ней буржуазных классов.

Мистер Уайт, бывшій американскій посланник в Россіи, обнаруживая столь необходимую для дипломата заносчивость и презрѣніе к странѣ, гдѣ он долго представлял интересы американской буржуазіи, заявил: «Подавляющее большинство русских так же невѣжественны в политикѣ, как и скот. Русскіе всегда отличались суевѣріем, невѣжеством и политическим фанатизмом». Ex-посланник Жамье об отреченіи царя выражал мнѣніе, что «только Витте мог бы теперь править Россіей с успѣхом».

Распространенная американская газета «New York Journal», охарактеризовав русских, как «дикарей, полу-дикарей и полу-цивилизованных», стала предаваться меланхолическим размышленіям: «Когда вы говорите о Россіи, вы говорите о сорока человѣческих типах, полных невѣжества, жестокости, дикарства и ненавидящих друг друга. Безполезно спрашивать, принесет ли революція счастье Россіи. Вы одинаково можете спросить: что будет, если выпустить из клѣтки сорок различных пород диких звѣрей?»

Всѣ корреспонденціи иностранных журналистов для союзной и американской печати составлялись в таком же духѣ ненависти к революціи и особенно к рабочей массѣ. Петроградскій корреспондент «Associated Press», обслуживающій свыше 600 однѣх американских газет, сообщал, напр., что русскіе рабочіе, требующіе «мира без аннексій», полагают, что «аннексія» это невѣдомая, далекая страна, захваченная русскими капиталистами.

Эти выпады становились все болѣе ожесточенными по мѣрѣ того, как сила рабочаго класса в Россіи дѣлалась болѣе устойчивой. К негодованію союзной буржуазіи презираемый «Совѣт рабочих и солдатских депутатов» пріобрѣл исключительное вліяніе на ход россійской революціи. Оказалось, что «популярный среди пролетаріата Милюков» ненавидим рабочим классом, что г. Родзянко изумительно быстро сошел со сцены, что Вр. Правительство вынуждено

считаться с желаніями рабочей и солдатской массы. Появились, наконец, даже кадетскія признанія о том, что революція сдѣлана не ими, что буржуазія смотрѣла на событія, вызвавшія переворот, «из окна», что вліяніе буржуазных партій в странѣ ничтожно. Одновременно стал извѣстен манифест раб. и кр. депутатов о мирѣ без аннексій и контрибуцій.

Тогда-то союзническая буржуазная пресса забила настоящую тревогу. Рѣзко выдѣлив два элемента революціонной власти — «Вр. Правительство» и «Совѣт Депутатов», она со всей энергіей и энтузіазмом стала на сторону перваго и об'явила войну второму, разумѣется, большевистскому меньшинству Совѣта особенно.

Вот пара типичных цитат.

«Совѣт Раб. и Солд. Депутатов является в сущности небольшой группой лиц (меньше 1000 чел.), представляющих не болѣе 5% рабочаго населенія Россіи. Крестьяне и помѣщики, русскій народ, совсѣм не имѣют в нем своих представителей, точно так же Совѣт не отражает и настроеній арміи. Эти господа, называющіе себя представителями рабочих и солдат, принадлежат к рядам крайних радикалов и соціалистов. Они производят большой шум в странѣ, совершенно не соотвѣтствующій их числу и вліянію. Если эти крайніе элементы получат власть над Россіей, страна пойдет к чорту. Их побѣда над твердыми и стойкими вождями Вр. Правительства поведет к немедленной анархіи и монархической реставраціи» («New York Times» от 18 апр. 1917).

В другом газетном номерѣ нападки на Совѣт были еще болѣе выразительны:

«В Россіи находятся заговорщики, повидимому, дѣйствующіе под германским вліяніем и пытающіеся всячески повредить Вр. Правительству. Одной из таких организацій является «Совѣт Раб. и Солд. Депутатов», об анархических выступленіях котораго нам неоднократно сообщали газеты из Россіи».

Попав на нотку о германском подкупѣ, союзническая печать широко использовала всѣ слухи и намеки, чтобы все рабочее и соціалистическое движеніе Россіи, всю дѣятельность Совѣтов, всю борьбу за мир и формулу «без аннексій и контрибуцій» огульно и нахально об'явить нѣмецкой.

Чуя во всей активности русских рабочих масс серьезную опасность для капиталистическаго уклада, буржуазная печать Англіи, Франціи и Америки начала энергично призывать к поддержкѣ Вр. Правительства против Совѣтов.

Даже когда по инициативѣ С. Штатов новое русское правительство было признано союзниками, это признаніе сопровождалось недвусмысленными комментаріями. «Наше правительство (писала, напр., официозная американская пресса) признало новое правительство Россіи, назначенное Исполн. Комитетом Гос. Думы. Оно не имѣет и не может имѣть никаких сношеній с радикалами и соціалистами, именующими себя Совѣтами Раб. и Солд. Депутатов и устраивающих митинги в зданіи Гос. Думы».

Признаніе Вр. Правительства союзниками и имѣло своей основной цѣлью поддержать умѣренные, буржуазные круги русскаго общества в его начинавшейся борьбѣ против рабочих.

Наиболѣе практическіе и рѣшительные из наших союзников—американцы—не ограничились поддержкой Вр. Правительства в печати, но рѣшили поддержать его и всѣми другими мѣрами. Прежде всего было рѣшено послать спеціальную делегацію в Петроград для ознакомленія с положеніем на мѣстѣ и оказанія всяческой помощи новому кабинету в его борьбѣ против крайних элементов.

С перваго же момента во главу этой делегаціи намѣтили сенатора Рута и вокруг этого имени, недавно столь спорнаго для враждующих партій С. Штатов (Рут был одним из кандидатов в президенты), об'единились и демократы и республиканцы.

Имя сенатора Рута оставляло внѣ всяких сомнѣній характер и задачи делегаціи. Этот бывшій государственный секретарь прославился, как самый реакціонный политическій дѣятель С. Штатов. Его имя в эпоху столыпинской реакціи прогремѣло и в Россіи, так как именно этот сенатор пытался оказать содѣйствіе русскому самодержавію в недопущеніи русских политических эмигрантов в Соед. Штаты и в выдачѣ русским властям революціонеров, нашедших убѣжище на почвѣ сѣверо-американской республики. В Америкѣ сенатор Рут прославился своим проектом конституціи штата Нью-Iорк, столь реакціонным по характеру, что против него голосовали даже сторонники Рута по партіи.

Так повелось, что всякое реакціонное движеніе всегда находило в Рутѣ своего сторонника и апологета. Неудивительно, что реакціонная миссія правительства С. Штатов была поручена именно этому государственному дѣятелю. Эта миссія не привела к результатам. Рут очень быстро убѣдился, что положеніе в Россіи настолько сложно и серьезно, что требуются какія-то болѣе рѣшительныя мѣры, чѣм визиты дружественных миссій.

С самых первых мѣсяцев революціи позиція союзников, их правительств, их прессы опредѣлилась достаточно ясно. Буржуазія З. Европы и частью Америки сожалѣла о крушеніи монархіи, недовѣрчиво смотрѣла на развивающіяся в Россіи событія и в намѣтившейся борьбѣ умѣренных элементов Вр. Правительства против Совѣтов и большевизма в особенности являлась горячим сторонником партій буржуазнаго порядка и законности.

Как раньше союзники поддерживали деньгами, авторитетом, подтасованной информаціей русскаго царя в его борьбѣ с народом, так теперь они стали сторонниками Родзянок и Милюковых и «охвостья» Гос. Думы в их единоборствѣ с Совѣтами раб. депутатов и большевизмом.

Союзники продолжали оставаться вѣрными своему прежнему символу вѣры—всегда итти с правящими буржуазными и помѣщичьими верхами против всякаго движенія низов и особенно против революціоннаго соціализма, провозглашавшаго «войну войнѣ» и созданіе третьяго Интернаціонала.

ГЛАВА IV.

Отклики революціи.

Сверженіе царскаго самодержавія, конечно, не могло не повліять на революціонную борьбу рабочих масс Европы. Побѣда, одержанная русским пролетаріатом, давала надежду на скорый под'ем движенія и в странах З. Европы. Ни русскіе, ни заграничные рабочіе еще не давали себѣ яснаго отчета в том, что русское самодержавіе вовсе не являлось главной опорой европейской реакціи и что корни его лежат в самой сущности как союзнаго, так и германскаго имперіализма. Казалось, что паденіе монархіи Романова сразу очистит дорогу перед европейским пролетаріатом, в дѣйствительности—оно лишь усилило тот реакціонный гнет, который сковал всѣ воюющія страны міра.

Русская революція была грозным предзнаменованіем для союзных имперіалистов и они приняли всѣ мѣры, чтобы свести на-нѣт ея вліяніе на ход событій в Европѣ. Это тѣм необходимѣе было для них сдѣлать, что на европейскій и американскій пролетаріат особенное впечатлѣніе произвели именно самыя ненавистныя буржуазіи формы движенія — Совѣты рабочих и солдатских депутатов.

В Англіи была сдѣлана первая попытка создать такіе Совѣты по русскому образцу. Правительство немедля раз-

громило движеніе при помощи политических гоненій и науськиванья темных банд на рабочих. Попытки устроить «Совѣты» во Франціи были подавлены в самом началѣ.

В С. Штатах под вліяніем русскаго примѣра возникли своеобразные «Народные Совѣты», преслѣдовавшіе задачи борьбы «за демократію и мир». Это «совѣтское» движеніе стало быстро развиваться и в своей работѣ руководилось «принципами, установленными Новой Россіей», в частности—принципом самоопредѣленія національностей и мира без аннексій и контрибуцій, а также боролось против введенія всеобщей воинской повинности, за охрану труда и т. д. Против Совѣтов, в которых главное участіе принимали соціалисты, были тоже самое воздвигнуты гоненія.

Русская революція отозвалась на Европѣ и в других отношеніях. В Англіи, послѣ десятилѣтней безплодной агитаціи в пользу избирательной реформы, парламент под вліяніем вѣстей из Россіи принципіально высказался за всеобщее избирательное право, в том числѣ и для женщин. Ллойд Джордж должен был дать обѣщаніе на немедленное введеніе гомруля в Ирландіи, опасаясь, как бы ирландцы не послѣдовали примѣру Россіи. Романист Уэльс, во время войны восхвалявшій диктатуру, как лучшую форму правленія, начал агитацію за установленіе англійской республики и встрѣтил отклик.

Даже в Германіи правительство должно было пойти на уступки рабочему классу и обѣщать давно откладывавшіяся политическія реформы.

Крушеніе монархіи вселяло естественныя опасенія в сердца всѣх правителей міра, так как оно предвѣщало серьезное обостреніе соціальной борьбы, но оно особенно волновало союзных имперіалистов, так как существенно мѣняло положеніе вопроса о войнѣ с Германіей. Непредвидѣнная революція в Россіи не только мѣшала всѣ союзные планы и расчеты, но и угрожала самым коренным интересам, во имя которых союзный имперіализм ринулся в безумную кровавую войну.

Самым первым и ближайшим послѣдствіем революціи было вступленіе Соед. Штатов в войну с Германіей на сторонѣ союзников. Конечно, это вступленіе диктовалось рядом сложных причин и особенно желаніем сыграть рѣшающую роль в момент ликвидаціи міровой войны, но русская революція как раз и ускорила это давно подготовлявшееся вмѣшательство.

Против участія С. Штатов в войнѣ имѣлась энергичная оппозиція внутри страны, вербовавшаяся как среди еврей-

скаго населенія, ненавидѣвшаго царизм, так и в рядах коренных американцев. Свержение монархіи немедленно превратило подавляющее большинство американскаго еврейства (очень вліятельнаго в странѣ) в горячих сторонников Россіи. Для всей Америки в цѣлом паденіе Романовых сразу устранило неловкость заключенія боевого союза с позорной монархіей.

До революціи не раз слышался вопрос (писал «Спрингфильдскій Республиканец»): «Неужели мы будем поддерживать войну, чтобы дать царским указам силу основных законов в Константинополѣ? Почему русскаго цезаря нам слѣдует предпочитать цезарю германскому? Развѣ звѣрскія преслѣдованія христіан турками хуже свирѣпых гоненій на евреев в Россіи?»

Русская революція не только устранила эти сомнѣнія, но и «дала политическое и духовное единство врагам Германіи, дотолѣ отсутствовавшее, так как демократія была в союзѣ с автократіей» («News»).

Революція ускорила вступленіе Америки в войну и по другим причинам. У союзников возникло опасеніе в боеспособности революціонных армій Россіи и поэтому насущной заботой англійской и французской дипломатіи стало скорѣйшее привлеченіе в свои ряды новаго помощника в борьбѣ против Германіи. Само правительство Вильсона, с одной стороны, спѣшило вмѣшаться, боясь усиленія Германіи, с другой — торопилось послать войска в Европу, опасаясь близкой ликвидаціи войны и начала мирных переговоров. Выход Россіи из войны даже улучшал международное положеніе С. Штатов, предоставляя именно им благодарную и выгодную роль спасителя Европы, являющагося на поле брани в самый критическій момент, когда самый видный союзник выходит из боя.

К тому же грозные раскаты революціонных бурь, загремѣвшіе даже в наиболѣе отсталой экономически странѣ, вызывали у американских господствующих классов опасеніе переноса соціалистической заразы в новый мір, а для борьбы против этого кошмара не было болѣе испытаннаго средства, как внѣшняя война и связанная с ней милитаризація страны и усиленіе реакціонной внутренней политики.

Если таким образом февральская революція отчасти усилила позицію союзников, дав им помощь из-за океана, то она еще болѣе ослабила их не только вслѣдствіе бездѣйствія грандіознаго русскаго фронта, но и вслѣдствіе усиленія борьбы за мир во всѣх странах Европы.

Лозунг, выдвинутый «Совѣтом Раб. и Сол. Депутатов»,— «мир без аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія національностей», несмотря на всю свою неопредѣленность, дал новый толчок всѣм элементам рабочаго класса Европы, которые боролись против міровой войны.

Эта формула была как бы то ни было поставлена на очередь дня и вызвала широкое к себѣ вниманіе. Лидерам международнаго имперіализма пришлось вновь опредѣлять свое отношеніе к основным задачам и конечным цѣлям войны. Рабочія организаціи со своей стороны попытались поставить вопрос о мирѣ на реальную почву и собрать конференцію соціалистов всѣх стран для активных шагов в этом направленіи.

Так началась борьба за «Стокгольмскую конференцію». Она задавалась очень скромными цѣлями и пыталась избрать такую среднюю линію, которая примирила бы чуть ли не всѣ теченія европейской соціалистической мысли. Но в созывѣ такого совѣщанія имперіалистическія правительства союзников усмотрѣли зловѣщій симптом: она могла ослабить их позицію «войны до побѣднаго конца» и, главное, могла дать иниціативу мирных переговоров в руки пролетаріата.

В виду этого Ллойд Джордж и Клемансо, при услужливом содѣйствіи агентов Вр. Правительства за границей, приняли самыя рѣшительныя мѣры против конференціи. Соціалистам Англіи, Франціи и Америки не были выданы заграничные паспорта — и конференція была сорвана. От одного из «пагубных» вліяній русской революціи на рабочій клаос Европа была избавлена. Но «союзники» не ограничились этим.

Ясно понимая, что русскія событія могут пробудить в рабочих массах дух недовольства и протеста, наши союзники постарались изолировать Россію от Европы. Для этого Англія и Франція, во-первыхъ, воспретили ввоз и присылку каких-либо соціалистических газет, издававшихся в Россіи, с другой — установили строгую цензуру для всего посылаемаго в Россію с тѣм, чтобы смѣло и свободно фальсифицировать как свое отечественное общественное мнѣніе относительно дѣл в России, так и обратно — русскую печать относительно отношенія к русским событіям в Европѣ.

Трудно представить себѣ болѣе жалкую и трусливую тактику, чѣм эти цензурныя гоненія, которыя, кстати сказать, были установлены в свое время исключительно ради сохраненія военных тайн».

Примѣры сообщеній, предназначавшихся для русской печати и воспрещенных англійской цензурой, дают разительную картину убогости и угодливости англійскаго цензурнаго вѣдомства.

Даже англійская печать осудила неумѣренную рьяность этих служителей имперіализма (см. Nation» от 10 ноября 1917 г., откуда и заимствованы дальнѣйшіе примѣры).

Цензор зачеркнул перепечатку из «Daily News», предназначавшуюся для русской соціалистической газеты, гдѣ говорилось о намѣреніи Японіи помочь Россіи не только снабженіем военными припасами, но и отправкой войска на русскій фронт. Это сообщеніе обошло всю англійскую прессу, но для Россіи оно было найдено неподходящим.

Всѣ телеграммы из Лондона, сообщавшія о борьбѣ за мир или подготовкѣ стокгольмской конференціи, безжалостно вычеркивались или калѣчились до неузнаваемости. В этом случаѣ цензор лишь слѣдовал общей политикѣ кабинета Ллойд Джорджа, стремившагося сорвать конференцію какой угодно цѣной.

Когда блэкпульскій конгресс англійских трэдюніонов небольшим большинством отверг немедленный созыв конференціи в Стокгольмѣ, хотя принципіально стоял за международное совѣщаніе соціалистов по вопросу о мирѣ, цензор вычеркнул это послѣднее указаніе и тѣм извратил весь смысл рѣшенія англійских рабочих.

Когда французскій публицист Лойсон напечатал в «Sanday Times» свои нашумѣвшія корреспонденціи из Петрограда, в которых он описывал революціонную Россію, как «орду лунатиков, руководимую шайкой негодяев», цензор воспретил сообщеніе этой статьи в Россію, хотя англійское правительство не предприняло никаких мѣр против инсинуацій по адресу своей союзницы, появлявшихся в англійской печати. Всѣ грязныя инсинуаціи по адресу Россіи, ея правительства, арміи, ея рабочаго класса охотно печатались на столбцах вліятельнѣйших газет, в родѣ «Times», «Morning Post» и др., не встрѣчая ни малѣйшаго запрета. Зато англійское правительство лицемѣрно не допускало, чтобы об этой допускаемой им травлѣ демократической Россіи стало извѣстно русской печати.

Мало того: когда демократическая печать Англіи попыталась дать отпор зарвавшимся имперіалистам, накинувшимся на революціонную Россію, и подняла вопрос о необходимости запроса на эту тему в англійском парламентѣ, попечительный англійскій цензор снова пустил в ход свой

синій карандаш и не допустил телеграммы об этом в русскія газеты.

Когда русскіе корреспонденты в Лондонѣ пытались критиковать или просто освѣщать безобразное поведеніе представителей русской власти в Англіи, дѣятельность всѣх этих гг. Набоковых, которые оставались вѣрными друзьями царизма и врагами революціи, англійская цензура со всей рьяностью препятствовала таким сообщеніям. При этом особенно неуклонно вычеркивались сообщенія о том, что русское посольство не протестует против дикой травли, которая ведется имперіалистской и полу-офиціозной печатью против «союзной» Россіи. Очевидно, содѣйствовать вящшему униженію революціонной Россіи считалось главнѣйшей задачей попечительной цензуры.

Неудивительно, что у всѣх безпристрастных наблюдателей сложилось убѣжденіе, что англійскій имперіализм задался цѣлью всѣми мѣрами ошельмовать революціонную Россію с тѣм, чтобы свалить на нее всѣ возможныя военныя неудачи, предупредить опасность революціоннаго зараженія англійских масс и, быть-может, даже вообще отдѣлаться под благовидным предлогом от обязательств по отношенію к своей союзницѣ.

Даже ставленник царизма, русскій посол Набоков, в своих тайных донесеніях Вр. Правительству должен был сознаться, что если Англія охотно привѣтствовала Россію, когда та сражалась за нее, то послѣ революціи, когда Россія была фактически обезсилена, имперіалистским правительствам вряд ли удастся «убѣдить усталыя народности Англіи и Франціи, что война должна продолжаться ради интересов Россіи».

Французскіе и англійскіе правящіе круги приняли всѣ мѣры, чтобы породить охлажденіе союзников к революціонной Россіи и свести на-нѣт тот «тѣсный союз», которым они раньше хвастались. Изоляція Россіи союзниками подготовлялась яростной кампаніей в печати. Особенно разительна была перемѣна отношенія к русской арміи и флоту. В то время, как в эпоху царизма о доблестях русскаго солдата и матроса союзная печать сообщала самыя преувеличенныя описанія, теперь тѣ же самые писаки не щадили слов в поносительствѣ русской арміи и флота. Можно сказать, что даже германских и турецких солдат союзная пресса никогда не третировала так безцеремонно и так презрительно, как своих русских союзников, пожертвовавших во славу имперіализма Англіи и Франціи столько жизней.

Поразительной иллюстраціей могут послужить комментаріи англійской вліятельной печати по поводу борьбы из-за Риги и испытаній, выпавших в это время на долю балтійскаго флота.

Вмѣсто сочувствія русскому флоту, сражавшемуся против ужаснаго, во много раз сильнѣйшаго врага без всякой моральной и матеріальной поддержки союзников, «Таймс», а вслѣд за ним и остальная имперіалистская печать продолжали свою кампанію инсинуацій. «Русскій флот, писала газета, должен был предотвратить высадку германских войск, но, поскольку это можно установить, большая часть русских военных судов не покинула пріюта в Кронштадтѣ и радостей морской базы, гдѣ каждый думает о своем удовольствіи».

Либерально-бульварная «Дэйли Кроникл» тоже говорила о балтійском флотѣ с раздраженіем, как о «дезорганизованном и отравленном большевистской пропагандой».

И все это писалось в то самое время, когда именно флот и морскія команды с наибольшей доблестью боролись против нѣмецкаго нападенія.

Интересно, что как раз в это время хваленый англійскій флот пребывал в таком бездѣйствіи, что даже орган Клемансо должен был с грустью констатировать, что «германскій флот не только становится хозяином в Балтійском морѣ, но имѣет возможность столь же безнаказанно маневрировать в Сѣверном морѣ и бомбардировать Дюнкерк».

В связи с этим же бездѣйствіем англійскаго флота в критическую минуту для русских судов в Балтійском морѣ «Daily Mail» писала: «нельзя об'яснить простой случайностью того, что англійскому флоту неудается оказать Россіи поддержку в столь критическій момент».

И это, конечно, не было случайностью. Англія просто не хотѣла помочь, она не хотѣла рисковать своими судами, не имѣя увѣренности в полном успѣхѣ, ей было выгоднѣе предать балтійскій флот на растерзаніе.

А чтобы оправдать свое преступное бездѣйствіе и нежеланье помочь русским союзникам в самую критическую для них минуту, англійская печать путем безудержной травли Россіи и ея арміи и флота постаралась создать впечатлѣніе, что в своих пораженіях Россія сама виновата.

Жалкіе писаки буржуазной прессы в родѣ петроградских корреспондентов «Morning Post», «Times» и т. п. изданій с неутомимым рвеніем обливали революціонную Россію потоками грязи, подготовляя полнѣйшую изоляцію нашей родины.

Воинствующему имперіализму союзников нужны были лишь покорные рабы в солдатской шинели, которые безропотно выполняют предначертанія, данныя им свыше. Когда же на смѣну безсловесных рабов пришли сознательные граждане, пожелавшіе во всем разобраться и самостоятельно рѣшить свою судьбу, союзники поспѣшили очернить освободившійся от деспотизма народ, окружить его кольцом лжи и клеветы, свалить на него всѣ свои промахи и неудачи, бросить его на произвол судьбы, превратить его в жалкаго пасынка исторіи.

Такова была первая благодарность союзников русскому народу за ту помощь, которую он им оказал.

ГЛАВА V.

Временное Правительство и союзники.

Хотя рѣзкій перелом в отношеніях союзников к революціонной Россіи опредѣлился сейчас же послѣ февральскаго переворота и их пренебрежительное отношеніе к новой власти проявилось в полной мѣрѣ, Вр. Правительство всѣх составов униженно дѣлало все возможное, чтобы угодить державным союзникам.

Первый кабинет устами Милюкова и Гучкова высказался в столь имперіалистском духѣ (о захватѣ Константинополя и «войнѣ до конца»), что даже вызвал похвалы союзной печати. Увы, аннексіонистскія тенденціи должны были быть очень скоро под давленіем рабочих выброшены из программы Вр. Правительства, а сами воинствующіе министры безславно уйти в отставку.

К новому кабинету союзники пред'явили тѣ же требованія. «Вы отказываетесь от проливов и аннексій, это ваша добрая воля, заявили они, но вы обязаны оказывать нам военную помощь в прежнем об'емѣ, ваши арміи должны наступать, ваша индустрія работать прежде всего на войну».

В теченіе всей весны союзныя правительства бомбардировали кабинет Львова-Керенскаго требованіями поднятія боеспособности арміи и активных военных операцій. Эти требованія носили такой вызывающій и назойливый характер, что они возмутили даже благонамѣреннаго имперіалиста Терещенко.

Под вліяніем этой настойчивости кабинетов Ллойд Джорджа и Клемансо началось то злосчастное и преступное

«наступленіе 18 іюня», которое навсегда опозорило имя Керенскаго и Вр. Правительство.

Русскія арміи в угоду Англіи и Франціи еще раз были брошены в кровопролитный бой, закончившійся жестоким пораженіем и почти полным разгромом русских войск. Вр. Правительство заплатило солдатской кровью за поддержку своего союза с имперіализмом З. Европы.

Но, рабски слѣдуя в своей военной политикѣ всѣм указкам из Лондона и Парижа, Вр. Правительство, при соучастіи соціал-патріотов, избрало путь преступнаго бездѣйствія в области внѣшней политики. Хотя желаніе широких масс окончить войну возможно скорѣе было неоспоримо и лозунги внѣшней политики, провозглашенные с самаго начала революціи, требовали именно активной борьбы за мир, Вр. Правительство дѣлало все, чтобы сорвать эту волю русской демократіи.

На «демократическом совѣщаніи» даже член Вр. Правительства (Зарудный) должен был признать, что для приближенія мира кабинет Львова-Керенскаго не сдѣлал ровно ничего. Оказалось, что в области внѣшней политики Вр. Правительство попросту плелось в хвостѣ союзников и слѣдовало трафаретам, уцѣлѣвшим от царскаго самодержавія.

И это было вполнѣ понятно. Во главѣ вѣдомства иностранных дѣл в эту отвѣтственную эпоху русской исторіи был посажен неопытный буржуазный юнец, с опредѣленными имперіалистскими симпатіями. На крови русских солдат г. Терещенко дѣлал свою дипломатическую карьеру под диктовку Клемансо и Ллойд Джорджа.

Его ближайшим помощником был царскій служака камергер Нератов, при восьми министрах служившій товарищем. Весь дипломатическій корпус, составленный из заядлых реакціонеров, не только оставался на мѣстах, но и пополнялся такими же контр-революціонными элементами. На отвѣтственные посты назначались разные графы Шуваловы, князья Трубецкіе, камергеры Казаковы и Плансон-Ростоковы и т. п. сослуживцы Столыпина, Штюрмера и Сазонова. Ни один из царских дипломатов, занимавших отвѣтственные посты в союзных странах, не был смѣщен Вр. Правительством. Когда же освободился пост посла в Парижѣ, на это мѣсто был командирован Маклаков, чьи имперіалистскія симпатіи и исключительная умѣренность в политических вопросах были общеизвѣстны.

Это скандальное назначеніе вызвало искреннюю радость союзнаго имперіализма и полное недоумѣніе всѣх, сочувствовавших русской революціи. Естественно возникал вопрос

если русская революціонная демократія дѣйствительно стремится к скорѣйшему миру, то каким образом она назначает на отвѣтственный пост человѣка, проповѣдующаго «войну до конца», и раздѣляющаго взгляды Милюкова о необходимости воевать за проливы? Это назначеніе толковалось в европейской печати, как опредѣленная демонстрація в цѣлях примиренія с имперіалистскими стремленіями союзников и поворот в сторону агрессивной внѣшней политики.

Имѣя в своем распоряженіи этот старый дипломатическій аппарат, министерство иностр. дѣл, руководимое Терещенко, естественно явилось своеобразной агентурой союзнаго имперіализма, дѣйствовавшей во вред русской революціи и в интересах контр-революціоннаго переворота.

Дѣятельность русских дипломатов за границей встрѣтила надежную опору и активную поддержку среди той новой эмиграціи, которая двинулась в Европу и Америку уже вскорѣ послѣ февральскаго переворота.

Среди этой новой эмиграціи были помѣщики, опасавшіеся за свои помѣстья, чиновники царскаго режима, сотрудники правой печати, дѣльцы, вскормленные старым режимом и искавшіе тихаго пріюта, чтобы проживать скопленное, дамы общества, мечтавшія о «твердом порядкѣ», а больше о фешенебельных отелях, графы и князья, оставшіеся за бортом и т. под. элементы.

Боязнь за себя, опасеніе за потерю имущества, страх перед возставшим народом, мрачный пессимизм, — вот элементы, из которых складывалась психологія этих добровольных эмигрантов.

Эти зажиточные и сановные бѣглецы по старой памяти попадали за границей в руки русскаго посольства, находили там радушный пріют, охотно сообщали подробности совершавшихся событій иностранцам «своего круга» и положенія, с исключительной готовностью давали интервью иностранным журналистам и авторитетно предсказывали скорую гибель новой республики. Разумѣется, с особой ненавистью они говорили о Совѣтах Раб. Депутатов, о соціалистах, революціонной арміи и борьбѣ за мир.

Так уже с первых дней революціи вокруг русских дипломатических агентов создались очаги своеобразной эмиграціи, откуда иностранная имперіалистская печать черпала якобы авторитетныя, а в дѣйствительности лживыя и извращенныя свѣдѣнія о положеніи Россіи.

Эта «роялистская» эмиграція не ограничивалась распространеніем лжи и клеветы на революціонную Россію, но

дѣлала и кое-какіе активные шаги в реставраціонном направленіи.

Вр. Правительство не только не препятствовало дѣятельности этих шаек, но даже само пополняло их ряды высылками из Россіи за границу виднѣйших реакціонеров.

Русскія посольства вмѣстѣ с этими эмигрантами сдѣлали все возможное, чтобы натравить союзников на Россію и извратить смысл совершающихся событій. Посольства не только ни разу не протестовали против инсинуацій, раздававшихся в союзной печати по адресу Россіи и самого Вр. Правительства, но даже сами всѣми мѣрами способствовали распространенію всѣх слухов, позоривших имя молодой республики и людей, стоявших у власти.

Характерно, что, глядя сквозь пальцы на работу своих собственных агентов за границей и окружавших их монархических эмигрантов, Вр. Правительство с исключительной ненавистью относилось к политическим эмигрантам, застрявшим в Европѣ. Именно благодаря циркуляру Терещенко-Керенскаго было пріостановлено на нѣсколько мѣсяцев допущеніе русских эмигрантов на родину. Министерство ин. дѣл при помощи царских послов и консулов пріостановило дѣйствіе амнистіи и приковало эмигрантов к чужбинѣ.

Столь же преступно было поведеніе Вр. Правительства по отношенію к русским войскам во Франціи—этим многострадальным заложникам, посланным царизмом в лапы французских имперіалистов. Издѣвательства, допущенныя французскими властями по отношенію к ним, завершились жестокой расправой и разстрѣлом.

Вр. Правительство через своих агентов за границей дѣлало все, чтобы рабски угодить всесильным правительствам Клемансо и Ллойд Джорджа. Чрезвычайно любопытную роль сыграло министерство иностр. дѣл по срыву Стокгольмской конференціи. В то время как на словах правительство Керенскаго продолжало толковать о борьбѣ за мир, оно вело самую яростную кампанію против рабочей конференціи, думавшей поставить вопросы о мирѣ в порядок дня.

В это время Россія представлялась западно-европейскому пролетаріату страной, особенно горячо жаждавшей мира. Призыв Совѣта Раб. Депутатов еще не был забыт. И вот имперіалистская пресса, инспирируемая русскими посольствами, сообщает, что русское правительство и Керенскій в частности стоят против созыва конференціи. Альбер Тома подтверждает, что Керенскій хочет, чтобы конференція не состоялась. Англійскій рабочій лидер Виль Торн в «Daily Mail» указывает в связи с этим, что раз отношеніе Россіи

к дѣлу мира измѣнилось, делегація Совѣта за границей (хлопотавшая о созывѣ конференціи) уже утратила свои полномочія.

Когда эта агитація уже произвела свое впечатлѣніе, выяснилось, что произошло нѣсколько дипломатических «недоразумѣній». Свѣдѣнія о намѣреніях Вр. Правительства попали за границу не прямо из Петрограда, а из телеграммы все того же лондонскаго представителя Набокова. Телеграмма Терещенко, оглашенная в палатѣ депутатов и гласившая о готовности Россіи воевать до побѣднаго конца, была (по раз'ясненію Терещенко) лишь «приблизительным изложеніем его заявленій».

Однако вслѣд за тѣм Рибо офиціально заявил, что отсрочка опубликованія тайных договоров союзников была вызвана соотвѣтствующим требованіем со стороны Петрограда. Таким образом выяснилось, что министерство иностр. дѣл все время ведет двойную игру и, на словах высказываясь за мир, всѣми мѣрами помогает союзному имперіализму в его хищнической политикѣ.

Это стало ясным, когда зашла рѣчь о парижской конференціи по пересмотру договоров и цѣлей войны. Вр. Правительство с перваго же момента выдвинуло кандидатами на эту конференцію имперіалиста Маклакова и монархиста Алексѣева. Маклаков заявил о своей полной солидарности с союзным имперіализмом, генерал Алексѣев стал авансом опорочивать репутацію Россіи заявленіями о нашей военной слабости, о внутренних неурядицах и предлагал замѣнить в войнѣ Россію Японіей.

В концѣ-концов, конференція состоялась без представителей Россіи. Вмѣсто вопросов мира она говорила лишь о дальнѣйшем продолженіи войны. А участь Россіи конференцію интересовал лишь постольку, поскольку там шла рѣчь об изоляціи революціонной республики и об установленіи «дѣйствительнаго контроля над русской внѣшней политикой».

С самаго перваго момента революціи союзники начали третировать свою недавнюю союзницу, как какую-то приживалку, принятую в союз из милости во имя ея прошлаго. Симпатіи союзников к Россіи были прямо пропорціональны успѣхам ея армій. На лондонской и парижской биржѣ высоко котировалось лишь русское пушечное мясо.

Даже служаки стараго режима, находившіеся в союзных странах, должны были констатировать узкій эгоизм союзников по отношенію к ослабленной войной Россіи. Вот о чем доносил, напр., генерал Занкевич из Франціи:

Русская революція была встрѣчена в союзных странах недовѣрчиво. Когда же обнаружилось, что она временно ослабила военную мощь Россіи, отношеніе к нам «существенно измѣнилось».

И что же стало тогда дѣлать французское правительство? Попыталось ли оно поддержать русскую республику, как раньше оно долгіе годы подпирало золотом царскій трон? Ничего подобнаго.

Желая найти оправданіе перед страной в неудачѣ так долго рекламируемаго апрѣльскаго англо-французскаго наступленія, оно попросту свалило всю вину на Россію. Оно не постѣснялось в самой рѣзкой формѣ высказать свои упреки Россіи с парламентской трибуны.

А угодливая пресса, ненавидѣвшая свободную Россію не меньше, если не больше, гогенцоллерновской Пруссіи, начала «с большой послѣдовательностью преуменьшать положительную роль Россіи в войнѣ». Эта политика очерненія Россіи, даже по характеристикѣ генерала Занкевича, имѣла цѣлью «найти выход на случай явнаго переутомленія страны войной».

Французское правительство, одним словом, заблаговременно собиралось сдѣлать из Россіи «козла отпущенія» и на ней отыграться при заключеніи мира.

Когда наш военный атташе во Франціи попытался огласить в прессѣ фактическія данныя, показывавшія, что русскій фронт продолжает отвлекать очень значительныя силы противника, а именно 130 дивизій, и что за время революціи германцы усиливали не западный, а восточный фронт, французская пресса просто швырнула в корзину документы наших представителей. Лгать она могла, возстанавливать истину не имѣла желанія. А в это же самое время, когда представители Вр. Правительства так третировались во Франціи и Россія обливалась грязью, г. Терещенко сочинял спеціальныя кары для защиты союзных послов и грозил суровой расправой газетам за об'ективное освѣщеніе циническаго отношенія союзных правительств к Россіи.

Но англо-французское правительство не ограничилось третированіем республиканской Россіи, оно начало также систематически устранять свою союзницу от всякаго вліянія на ход войны. Хотя согласно договору 1914 г. союзныя державы обѣщали совмѣстно вести войну и обсуждать всѣ вопросы, связанные с ней, Англія и Франція, заискивавшія перед царем, сочли себя в правѣ пренебрегать Вр. Правительством. Так, всѣ вопросы об участіи в войнѣ американцев были рѣшены без всякаго вѣдома Россіи. Вопрос о

судьбѣ салоникской арміи (в состав которой входили и русскія войска) был рѣшен в Лондонѣ опять-таки втайнѣ и без вѣдома русских военных представителей. В таком же порядкѣ разрѣшены были и всѣ другіе военные вопросы, поднимавшіеся перед союзниками послѣ весны 1917 г.

Так с каждым днем русская армія превращалась для союзников в простое механическое орудіе, а Россія трактовалась как держава, которой можно только приказывать и угрожать, но с которой не о чем совѣтоваться.

Союзным имперіалистам не было никакого дѣла до внутренняго положенія Россіи, до ея упорной борьбы во имя демократических и соціальных преобразованій—они хотѣли от нашей родины только одного: солдат, солдат и солдат. Они не желали видѣть разоренья, в которое война ввергла Россію, и ея физической неспособности вести войну дальше—им нужна была от Россіи только военная помощь. Они готовы были дать Россіи денег и товаров не для ея внутренняго оздоровленья, а только как плату за кровь.

Убѣдившись, что Россія выходит из войны, что она ослабла, что она истекает кровью, союзники немедля создали планы не только изоляціи Россіи, но и откровеннаго мира за ея счет.

Сейчас же послѣ русских неудач у Двинска и Риги появилась мирная нота папы и в Германіи создался план новой мирной оріентаціи, которая компенсировала бы центральныя державы русскими территоріями. Сперва пангерманисты соглашались на очищеніе половины Бельгіи взамѣн аннексій на востокѣ. Затѣм стали поговаривать даже о полном status quo на Западѣ и даже о возможном «исправленіи границ» с Франціей.

Эта перемѣна позиціи по отношенію к Бельгіи сопровождалась, однако, достаточно опредѣленными намеками на желательныя аннексіи на Востокѣ. Германія, одним словом, предлагала своеобразный сепаратный мир за счет Россіи.

Офиціальныя заявленія союзников рѣшительно отвергли эту комбинацію, но имперіалистская пресса совершенно откровенно стала угрожать Россіи такого рода миром.

«Matin» очень опредѣленно противопоставил слабость Россіи и исключительную крѣпость западнаго фронта и подчеркнула мысль, что *на Западѣ* Германія никаких уступок не получит. В англійской печати отказ Германіи от притязаній на Бельгію разсматривался, как недостаточный, в виду отсутствія указаній на участь Трентино, Сербіи и Эльзас-Лотарингіи. Русская граница и русскія территоріи для франко-англійскаго имперіализма оказывались таким

образом как бы вовсе не существующими. Россію союзники предоставляли на благоусмотрѣніе Германіи.

«Times» в очень откровенной формѣ писал, что положеніе Россіи становится все болѣе критическим, так как Германія, соглашаясь на status quo на Западѣ, конечно, постарается компенсировать себя на Востокѣ. Газета ни единым словом не заикнулась, что союзники будут против этой комбинаціи.

Проводя эту послѣдовательную политику, сводившуюся к стремленію сбросить Россію со счетов и отыграться за ея счет, союзники не оставляли, однако, мысли найти в самой Россіи точку опоры для монархической реставраціи, которая снова обезпечила бы Англіи и Франціи многомилліонную, рабски покорную русскую армію и услужливое, наемное правительство.

Пустозвон Керенскій, несмотря на всѣ свои вопли о боеспособной арміи, о помощи союзникам и войнѣ против германскаго деспотизма, весьма скоро был по достоинству оцѣнен союзными правительствами, как мелкій болтун, на котораго нѣт надежды.

В то самое время как Керенскій и его коллеги униженно заискивали перед союзниками и их представителями, вся союзная печать официозного и полуофиціознаго характера самым безцеремонным образом травила Керенскаго и его подручных и цинично издѣвалась над его помощниками. Союзники искали в Россіи болѣе надежных реакціонных элементов, вокруг которых можно было бы сплотить всѣ силы контр-революціи.

Когда во время Московскаго Совѣщанія (август 1917 г.) были заложены основы заговору генерала Корнилова, нѣсколько лиц, тѣсно связанных с союзным имперіализмом, приняли в заговорѣ дѣятельное участіе. Среди них был один англійскій корреспондент, сейчас же отбывшій в Англію для соотвѣтствующей кампаніи в печати, и ех-трудовик и ех-депутат Аладьин. Этот господин, находившійся в тѣснѣйшем контактѣ с лидерами англійской реакціи и заправилами лондонской биржи, появился в Россіи как раз перед революціей. Этому эмигранту был разрѣшен в'ѣзд в Россію, как сотруднику «Новаго Времени» и представителю англо-русскаго «патріотическаго» общества. Корнилов предназначал Аладьина на пост министра иностранных дѣл. Так при помощи этого международнаго авантюриста протягивались нити между монархическим заговором и союзным капиталом.

Извѣстіе о мятежѣ генерала Корнилова было встрѣчено всей союзнической печатью с воплями безумной радости.

«Figaro» опубликовал восторженную біографію мятежника. «Excelsior» разсыпался в комплиментах генералу и попутно нагло обозвалъ русских солдат «пьяными илотами». Вся продажная буржуазная печать Франціи и всѣ «солидныя» газеты Англіи в один голос начали привѣтствовать возстаніе против Вр. Правительства. Особенно усердствовал «Times». Первая же передовица газеты о Корниловѣ (12 сент. н. ст.), анализируя сообщеніе Вр. Правительства о преданности ему войска и населенія, скептически отмѣтила: «это извѣстіе исходит от одной из сторон» и считала необходимым «подождать подтвержденія этого правительственнаго сообщенія». Этот тон недовѣрія к сообщеніям Вр. Правительства и явнаго издѣвательства над ним газета сохранила до конца.

Газета из номера в номер сообщала, что «на сторону Керенскаго не стал ни один из видных генералов, что его коллеги по министерству вышли в отставку довольно странным образом, что поддержка деморализованных матросов Балтійскаго флота немногаго стоит» и т. д.

Затѣм «Times» писал, что телеграф в руках Керенскаго и его сторонников, поэтому «мы не знаем, какіе именно шаги предприняты генералами, находящимися в оппозиціи (так деликатно именовался мятеж) правительству», газета повторяла, что «мы не имѣем сообщеній из безпристрастнаго источника», что «мы все еще не имѣем свѣдѣній непосредственно от Корнилова» и т. д.

Когда неудача мятежа стала несомнѣнной, «Times» продолжал восхвалять доблесть Корнилова и откровенно заявлял: «мы станем поддерживать всякаго, кто избавит Россію от Совѣтов, ведущих к гибели и страну и революцію». И попутно клеймил Совѣты, как состоящіе из «идеалистов, теоретиков, анархистов, синдикалистов интернаціональнаго еврейскаго типа, частью находящихся на нѣмецком жалованьи».

Эти непозволительныя выходки и открытое восхваленіе мятежа, поднятаго против правительства союзной державы, вызвали даже запрос в палатѣ общин. Там произошел слѣдующій многозначительный діалог между депутатами и министром иностр. дѣл Бальфуром:

Депутат Аутвейт сдѣлал запрос кабинету, обратил ли он вниманіе на статью в «Morning Post», которая клеймила членов министерства Керенскаго, как «острожников»

Бальфур отвѣтил, что он... не читал этой статьи.

Аутвейт:—Если эта статья будет вам пред'явлена, примете ли вы такія же мѣры к преслѣдованію газеты, называющей членов дружественнаго нам правительства «острож-

никами», какія вы приняли против Арнольда Лаптона за его довольно мягкую критику кабинета?

Бальфур:—Если я получу номер со статьей, я прочту ее и посмотрю, что надо дѣлать.

Деп. Уайт:—Не примет ли правительство каких-либо мѣр против собственников и редакторов газет, вредящих дѣлу союзников подобными нападками на русское правительство?

(Бальфур не отвѣчает).

Деп. Прингль:—Извѣстно ли достопочтенному джентльмену (т.-е. Бальфуру), что собственники подобных изданій будут скоро вознаграждены за свою дѣятельность и получат мѣсто в кабинетѣ?

(Отвѣта не послѣдовало).

Деп. Аутвейт.—Обратил ли достопочтенный джентльмен вниманіе на впечатлѣніе, которое оставили нападки на русское правительство газет, руководимых Нортклиффом (т.-е. «Times», «Daily Mail» и др.) и газеты «Morning Post» и их поддержка контр-революціоннаго заговора Корнилова? Намѣрено ли правительство принять какія-либо мѣры против такого рода пропаганды?

Бальфур:—На оба вопроса отвѣт отрицательный.

Деп. Аутвейт:—Обратил ли достопочтенный джентльмен вниманіе на то, что он ничего не знает о нападках всякій раз, как они направлены против Россіи? Должны ли мы заключить из этого, что правительство хочет, чтобы продолжалась газетная кампанія, направленная против революціи и к реставраціи монархической власти?

Бальфур:—Нѣт, дѣло обстоит не так.

Так отмалчивался и увиливал от отвѣта представитель союзнаго кабинета, припертый к стѣнѣ. Разумѣется, газетная травля продолжалась, и ни англійское ни французское правительство ни разу не попыталось положить ей предѣл.

Мало того. Англійскій посол в Россіи сэр Джордж Бьюкенен открыто выражал свои симпатіи Корнилову и его сторонникам. Монархист генерал Гурко скрылся из Россіи при помощи того же посольства по англійскому паспорту и на англійском суднѣ.

Союзники совершенно откровенно входили в тѣсный контакт со всѣми реакціонными силами Россіи и открыто указывали, что монархическая реставрація для них является самым желанным исходом из создавшагося революціоннаго кризиса.

Так еще задолго до чехо-словацкаго возстанія и отправки англо-французских войск против Россіи союзники

выявили свою ненависть к свободной, демократической Россіи, Россіи Совѣтов и свое затаенное стремленіе возстановить в Россіи монархію. Не даром «Times» сейчас же, послѣ крушенія заговора Корнилова, писал о тяжком положеніи «тобольскаго узника», об «излишних притѣсненіях», ему чинимых, об «отсутствіи элементарных удобств» и т. д.

Союзники тосковали о русском самодержавіи.

ГЛАВА VI.

Послѣ октябрьской революціи.

Вся революціонная Россія была ненавистна союзным правительствам и всей западно-европейской буржуазіи вообще, но их особенное негодованіе и озлобленіе вызывало пролетарское движеніе Россіи, так опредѣленно склонявшееся в сторону революціоннаго соціализма, и органы рабочаго движенія — Совѣты. Не было той клеветы и наглой выдумки, которая не была бы пущена в ход, чтобы опозорить и заклеймить «эти Совѣты».

Застрѣльщик союзнаго имперіализма и полуофиціоз англійскаго министерства иностранных дѣл еще перед октябрьской революціей давал такую характеристику органам рабоче-солдатской массы Россіи:

«Под властью Совѣтов Россія за шесть мѣсяцев вытерпѣла во сто раз больше, чѣм перестрадала за столѣтіе от царской охранки. Солдаты могут теперь безнаказанно оскорблять и убивать своих офицеров. Всякій может воровать и убивать почти открыто и безпрепятственно. Революціонный флаг покрывает всякое преступленіе».

Дальше газета писала:

«В распоряженіи Совѣта и его сторонников имѣются личный персонал старой охранки и ея методы, пособіе от казны и денежныя средства из Берлина (фактически всѣ агенты охранки примкнули к большевикам). Всякое рѣзкое выраженіе, подслушанное доносчиком, сулит тюрьму, оскорбленіе, насиліе или смерть».

«Печать страдает от цензурных притѣсненій и насилій. На свѣт появилась цѣлая уйма «большевистских» и других соціалистических газет. Они субсидируются из тайных фондов, при чем большевистскіе листки получают средства из Берлина. Но это не удовлетворяет их ненасытных аппетитов. Они хладнокровно «экспропріировали» редакціи и типогра-

фіи несоціалистических газет и «конфисковали» их бумагу».

В таком же тонѣ писали «Morning Post», «Daily Mail» и французскія «Temps», «Figaro», «Victoire» и пр. и пр. содержанки имперіализма еще задолго до октябрьскаго переворота.

Вполнѣ понятно, как должны были встрѣтить союзные имперіалисты извѣстіе из Россіи о захватѣ власти не любезными их сердцу Корниловыми и Алексѣевыми, а большевиками. Гибель Вр. Правительства они готовы были привѣтствовать, но торжество Совѣтов они были не в силах перенести.

Конечно, немногочисленные честные органы европейской печати, не ослѣпленные кровавым туманом и золотым дождем, совершенно здраво оцѣнили происшедшую в Россіи революцію.

«Основная причина роста большевизма (писала, напр., радикальная «Manchester Guardian») послѣ іюльских дней заключается в продолженіи войны и в укрѣпленіи взгляда, что Вр. Правительство вмѣстѣ с союзниками ни капли не приближают войну к концу».

«Срыв стокгольмской конференціи, заговор Корнилова, постоянное откладываніе союзнической конференціи для пересмотра цѣлей войны,—таковы главныя причины, которыя содѣйствовали успѣхам большевизма. Перемѣна характера парижской союзной конференціи и имперіалистская политика Терещенко, который, казалось, хотѣл соперничать с Милюковым, дали большевикам сигнал к началу дѣйствій».

Эти здравыя мысли, однако, совершенно тонули в том потокѣ лжи, которую изливала на большевиков вся остальная печать.

«Times» подробно разсказывал, какія именно инструкціи получал Ленин из Германіи, сообщал, как он послѣ іюльских дней спеціально ѣздил в Берлин за директивами, и лицемѣрно писал: «Событія послѣдних мѣсяцев (разумѣя, очевидно, не только захват власти большевиками, но и неудачу корниловскаго бунта) запятнали грязью знамя революціоннаго идеализма. Россія, освободившаяся на одно лишь мгновенье, снова закована в кандалы».

В это же самое время корреспондент «Morning Post» в Петроградѣ и небезызвѣстный англійскій публицист кадетскаго толка Гарольд Вильямс (корреспондентъ «Daily Chronicle») телеграфировали в Лондон тревожныя вѣсти о монархических симпатіях большевиков и их намѣреніи возстановить царскую монархію в Россіи.

Одним словом, по рабоче-крестьянскому правительству была открыта союзниками пальба изо всѣх орудій.

Одним из первых шагов Совѣтской власти было заключеніе перемирія с Германіей и открытое обращеніе к союзникам с предложеніем начать всеобщіе переговоры о мирѣ. Перед союзниками стоял совершенно опредѣленный факт: Россія изнемогла от войны и была не в силах вести ее больше; она не желала продолжать воевать во имя чуждых ей имперіалистских цѣлей или во славу правительств Ллойд Джорджа и Клемансо.

Даже часть англійской консервативной прессы (напр., «Evening Standard»), раньше пытавшаяся об'яснить борьбу за мир простой интригой германских агентов, признала, что русскій народ единодушно хочет прекращенія войны, и об'ясняла успѣхи большевизма именно этим тяготѣніем арміи и населенія к миру.

Как же отвѣтили союзныя с Россіей страны на ея призыв о мирных переговорах?

В части рабочаго класса этот призыв нашел горячій отклик, но он не мог претвориться в активное выступленіе вслѣдствіе того гражданскаго плѣна, в котором находился европейскій пролетаріат, скованный своими правительствами, сбитый с пути своими соціал-патріотическими вождями.

Под вліяніем извѣстій о положеніи дѣл в Россіи и перед фактом прекращенія военных дѣйствій на русско-румынском фронтѣ у части англійских имперіалистов зародилась мысль сдѣлать шаг навстрѣчу мирному соглашенію. Именно тогда (ноябрь 1917) появилось в печати нашумѣвшее письмо лорда Лэнсдауна, бывшаго министра иностранных дѣл, которое в сущности означало отказ от многих положеній имперіалистской теоріи войны до конца.

Приглашеніе Лэнсдауна пойти на уступки и начать мирные переговоры встрѣтило поддержку у англійских либералов и самую жестокую отповѣдь со стороны правящих вождей, начиная от авантюриста и карьериста Черчилля и кончая самим Ллойд Джорджем.

Черчилль справедливо указал, что всякій пересмотр цѣлей войны означает в сущности приглашеніе прекратить войну. А, по мнѣнію Черчилля, цѣли войны у Англіи «остаются тѣми же, какими онѣ были в историческую августовскую ночь 1914 г.». Попрежнему необходимо стремиться к тому, чтобы «германскій имперіализм (читай: Германія) был принижен, придавлен и придушен». Разумѣется, Черчилль добавил, что Англія «воюет не ради добычи или мщенія» и «не во имя территоріальных пріобрѣтеній» со-

вершенно забывая об опубликованных уже соглашеніях, касавшихся раздѣла Персіи, Сиріи, захватов в Малой Азіи, присоединенія черноморских колоній и т. д.

Ллойд Джордж еще рѣзче подчеркнул всю «неумѣстность» выступленій лорда Лэнсдауна, и в отвѣт на призыв Россіи начать общіе мирные переговоры, отвѣтил: «большевики, вступив в самостоятельные переговоры с Германіей, нарушили лондонское соглашеніе, так пусть же они сами урегулируют вопрос о своих границах, а уже тогда союзники посмотрят, что им дѣлать».

Призыв Россіи, таким образом, не только не встрѣтил отвѣта, но и послужил лишь поводом отдѣлаться от своей обезсиленной союзницы.

Наши союзники продолжали осуществлять уже намѣтившійся ранѣе план: они рѣшили отдать Россію на растерзаніе Германіи с тѣм, чтобы благодаря этому уменьшить аппетит своего врага и получить хорошую компенсацію на западном фронтѣ.

Такова была одна из главнѣйших причин, почему союзники бросили Россію именно в тот момент, когда помощь была ей особенно нужна.

Нѣсколько раз Совѣтская Россія отсрочивала начало мирных переговоров, ожидая отвѣта союзных правительств, но отвѣта не было. Союзный имперіализм сам толкал Россію на сепаратный мир, чтобы спасти свое собственное положеніе и имѣть возможность всѣ неудачи затянувшейся войны свалить на революціонную Россію.

Кромѣ того пойти на приглашеніе Совѣтской власти и начать переговоры об общем мирѣ значило не только признать ненавистное соціалистическое правительство, но и отказаться от всей лелѣемой программы новых территоріальных пріобрѣтеній.

Наконец, выдача Россіи головой германскому имперіализму обѣщала союзным правительствам заманчивую перспективу гибели самой Совѣтской власти, чье пагубное вліяніе уже начало сказываться на рабочих массах Европы.

Все это продиктовало союзникам политику неуступчивости по отношенію к большевикам и тактику полнѣйшаго игнорированія Россіи. Имперіалистскія правительства с злорадством глядѣли, как обезсиленная страна, принесшая столько жертв союзникам, теперь оказалась всѣми покинутой, один на один с могущественным и безпощадным имперіалистским правительством Германіи.

Такова была «помощь» союзников Россіи в тяжкій час трагическаго испытанія.

И в тѣ самые дни, когда Россія вела упорную борьбу в Брестѣ, верховный военный совѣт союзников в Версалѣ в сто первый раз выносил резолюцію о необходимости усилить боеспособность союзных войск, сплотить тѣснѣе союзныя державы в их борьбѣ против германскаго имперіализма и продолжать войну до побѣднаго конца.

На этой же самой конференціи много вниманія было удѣлено Россіи и был, повидимому, уже намѣчен план благополучной для союзников ликвидаціи отношеній с соціалистической республикой.

Но вот началось роковое наступленіе германских полчищ на Петроград. Можно было думать, что в отвѣт на это разбойное нападеніе союзная пресса обрушится на германскій имперіализм, а союзныя войска начнут наступленіе на западном фронтѣ, чтобы отвлечь нѣмецкія силы от беззащитной Россіи.

Ничего подобнаго не случилось. Союзники совсѣм не собирались активно помогать Россіи в ея трагической судьбѣ. Союзная печать возмущалась не наглостью Гинденбурга и Гофмана, а обрушивалась на Ленина и Троцкаго.

Когда в эти же самые дни германскаго наступленія германскій канцлер обратился с открытым призывом к Англіи и ея союзникам о мирѣ за счет Россіи, Бальфур отвѣчал в самом двусмысленном тонѣ. Он распространился на тему о необходимости возстановленія прав Бельгіи, о вознагражденіи ея за военные убытки, позаботился о правах Месопотаміи и Палестины (завоеванных Англіей), о самоопредѣленіи Арменіи, протестовал против присоединенія к Украинѣ польских областей (Холмщины) и не единым словом не обмолвился о Россіи.

Россія словно сразу исчезла с географической карты англійскаго министерства иностранных дѣл. Бальфур сразу позабыл об опредѣленном предложеніи Германіи заключить мир за счет Россіи.

Это краснорѣчивое умолчаніе вмѣсто защиты русских интересов лишній раз показало, что англійскому имперіализму совершенно чужда Россія как таковая. Былая союзница трактовалась лишь как кусок территоріи, за который можно вымѣнять у Германіи земельныя пріобрѣтенія в других частях свѣта для округленія владѣній британской короны.

Но если союзныя правительства отнеслись так бездушно и свысока к Совѣтской Россіи и ея попыткам ликвидировать войну, заведшую страну в тупик тяжких испытаній, то совсѣм иное отношеніе вызвала к себѣ соціалистическая рес-

публика в рабочих массах как союзных, так и враждебных стран.

Русская февральская революція не встрѣтила того могучаго революціоннаго отклика на Западѣ, котораго так многіе ждали. Это произошло не только потому, что революціи не всегда обладают той магической заразительной силой, какую им приписывают, но также и благодаря всѣм основным особенностям февральской революціи.

Она направила свой удар против царизма и разрушила его, но вслѣд за тѣм у власти оказалась имперіалистская и реакціонная буржуазія. Читая об этом переворотѣ, англичанин, француз, даже нѣмец думал: «Россія покончила с варварским пережитком старины—она приблизилась к нам, цивилизованным странам». Февральскій переворот не указывал новых путей европейскому пролетаріату, он только приближал Россію к остальной Европѣ. Россія проходила зады, давно извѣстные другим странам.

И если в области государственнаго строительства февральская революція не выдвинула новых лозунгов и обрекла европейских стран, который даже на Западѣ начал утрачивать свою непродолжительную популярность.

И если в области государственнаго строительства февральская революція не выдвинула новых лозунгов и обрекла Совѣты лишь на вторыя роли, то столь же безплодна она оказалась и в области внѣшней политики.

Первое время лозунг «без аннексій и контрибуцій» прозвучал как новое слово среди дикаго вопля воинствующих имперіалистов и международных соціал-патріотов. Но слов, даже новых, было уже недостаточно, требовались рѣшительныя дѣла, а вмѣсто этого началась жалкая политика Вр. Правительства. Вся сила лозунга была ослаблена агитаціей за продолженіе войны, поддержкой наступленія 18 іюня, воинствующими рѣчами Керенскаго и дипломатическими аллюрами имперіалиста Терещенко.

Вся энергія Вр. Правительства, олицетворявшаго революціонную Россію перед міром, была направлена к хамскому прислужничеству союзному имперіализму. Не удивительно, что вся европейская печать пришла к выводу, что возставшая против монархіи страна горит желаніем бороться против Германіи до конечной побѣды.

Какой же импульс могли дать революціонному движенію европейских рабочих вѣсти о наступленіи, об организаціи Совѣтами дѣла обороны страны (была и такая страница в работѣ Чхеидзе и Церетелли) или о воинствующих рѣчах премьера? Эти вѣсти достигали только одного результата—

онѣ усиливали позицію имперіализма и ослабляли энергію всѣх борцов за мир и за революціонные идеалы соціализма.

Так восемь мѣсяцев русская революція сама ковала для себя цѣпи, затягивала войну, тормозила революцію на Западѣ.

Октябрьская революція сразу перемѣнила положеніе. Она показала даже слѣпым, что на этот раз удар направлен в сердце имперіализма, что Россія против войны, что русскій рабочій класс, поддержанный арміей и крестьянством, покончил с коалиціями, что вся власть отнынѣ захвачена революціонным народом.

Октябрьская революція призывала западно-европейскій пролетаріат к разрыву с буржуазіей, захвату власти, немедленному прекращенію войны.

Поэтому-то октябрьская революція и нашла отклик в рабочих массах Европы. Произошли январскія забастовки в Австріи и Германіи, началась революція в Финляндіи, поднялась волна забастовок и демонстрацій в Англіи и Франціи.

Сознаніе, что война может быть кончена только путем гражданской войны пролетаріата против своих имперіалистских правительств, стало проникать в толщу рабочих масс Европы. Примѣр Россіи, сбросившей с себя иго войны, стал возбуждать дух пролетаріата других стран. Союзная пресса начала с тревогой констатировать рост недовольства войной.

Так, предаваемая союзниками на растерзаніе Совѣтская Россія уже зимой 1917—18 гг. увлекла своими лозунгами рабочих міра.

Союзники-имперіалисты измѣнили Россіи, но зато она нашла себѣ вѣрных союзников в революціонном пролетаріатѣ Европы.

ГЛАВА VII.

„Вологодское сидѣнье"

В годы войны Россія и все русское было в большой модѣ у наших союзников. В школах вводился русскій язык, в предвидѣніи будущих завоеваній русскаго рынка союзниками издатели усиленно печатали переводы русских авторов и книги о Россіи, пресса посвящала русским дѣлам много вниманія и предсказывала русскому народу блестящее будущее, ораторы не уставали повторять на митингах завѣренія в тѣсной и вѣрной дружбѣ, связывающей русскій народ с народами Англіи и Франціи.

Послѣ февральской революціи намѣтилось охлажденіе, послѣ октябрьских дней отношеніе к Россіи и русскому как в Англіи, так и во Франціи рѣзко измѣнилось. Все русское стало бойкотироваться у наших союзников. Само слово «русскій» стало произноситься западно-европейским буржуа с таким же ужасом, как слово «француз» в эпоху великой французской революціи. Для всей буржуазіи Россія стала зачумленной страной, откуда грозят ужасы коммунизма, а всякій русскій стал носителем разрушенія и пророком пагубнаго и ненавистнаго соціализма.

Тѣ самые журналисты, которые субсидировались в свое время царским правительством и восхваляли мудрость самодержавных министров и голубиную кротость «вѣрноподданнаго народа», теперь стали поносить возставшій народ и органы его власти.

Таково же было и поведеніе офиціальных представителей союзных правительств в Россіи и самих кабинетов Клемансо, Ллойд Джорджа и Вильсона. Вр. Правительство союзники послѣ нѣкотораго колебанія признали, но продолжали третировать его и не считаться с ним, как с равным. Совѣтскую власть имперіализм не захотѣл признать.

Конечно, приди на смѣну кабинета Керенскаго диктатор Корнилов или новый самодержавный деспот,—союзники не задумались бы заключить тѣсный союз с реставраторами монархіи. Признать же правительство, опирающееся не на «солидные» буржуазные или помѣщичьи слои, а на рабоче-крестьянскую массу, союзники считали ниже своего достоинства. Рабочих и крестьян Россіи они признавали лишь в видѣ рабов, охотно и безпрекословно идущих на бойню, а отнюдь не в видѣ полномочных властителей Россіи, да еще проводящих соціалистическую программу.

Это непризнаніе союзниками власти, выдвинутой рабочими и крестьянами Россіи, диктовалось также и другими мотивами. Союзники, как и очень многіе другіе наблюдатели, все время полагали, что большевистская власть вот-вот рухнет. Они не сомнѣвались, что Совѣты просуществуют всего лишь нѣсколько недѣль и на смѣну им придет достаточно умѣренное правительство, с которым не зазорно будет итти на любыя соглашенія.

Кромѣ того, на отношеніе союзников к Совѣтской Россіи имѣло большое вліяніе положеніе на зап. фронтѣ. При всяком успѣшном продвиженіи германских войск по направленію к Парижу внезапно в союзнической печати начиналась агитація за признаніе Совѣтской власти, всякій успѣх союзников немедленно приводил к обостренію отношеній. Как

раз в связи с неудачами весной и лѣтом 1918 г. особенно живо дебатировался вопрос о соглашеніи с большевистским правительством. Начало открытой войны Англіи и Франціи против Россіи совпало с исключительным, давно невиданным успѣхом союзников на зап. фронтѣ.

Первым признаком стремленія союзников к разрыву дипломатических отношеній был от'ѣзд англійскаго посла сэра Джорджа Бьюкенена из Россіи вмѣстѣ с большей частью дипломатической и военной миссіи (декабрь 1917). Сэр Бьюкенен сдѣлал чрезвычайно много для того, чтобы союз Россіи с Англіей был не союзом двух народов, а соглашеніем двух правительств. Как истый британскій дипломат, он с нескрываемым презрѣніем относился к русской революціи и сдѣлал все от него зависящее для поддержки всяких врагов ея, начиная от Корнилова и кончая Гурко. Англійское посольство под эгидой сэра Джорджа было оплотом всякаго реакціоннаго движенія, которое направляло свои удары против русскаго народа. В то же самое время сэр Бьюкенен обнаруживал элементарнѣйшее незнакомство с Россіей и полнѣйшее непониманіе ея соціальных и политических отношеній. Когда станут извѣстны письма, донесенія и дневники англійскаго посла, касающіяся русской революціи, историк найдет богатую пищу для копилки трагических курьезов.

Послѣ от'ѣзда Бьюкенена из Россіи его пост остался демонстративно не замѣщенным. Англійскіе интересы остался представлять уже не полномочный посол, а «повѣренный по англійским дѣлам», рядовой член корпуса. Это еще не был разрыв дипломатических отношеній но это была опредѣленная вызывающая демонстрація.

Русскій посол в Англіи, назначенный Совѣтской властью (т. Литвинов), не был признан англійским правительством и третировался, как рядовой гражданин страны, находящійся в опалѣ. Конечно, кабинету Ллойд Джорджа все же приходилось имѣть с ним офиціальныя сношенія, но чисто формальнаго и второстепеннаго характера. Франція же просто не допустила в свои предѣлы представителей Совѣтской Россіи: она охотно давала пріют монархическим заговорщикам, но отнюдь не революціонным соціалистам.

Зато и Англія и Франція продолжали не только считаться с старыми послами, назначенными правительством царя и Керенскаго, но даже взяло на свой счет их содержаніе, с тѣм, конечно, что потом с лихвой взыскать эти суммы с русскаго народа.

Послѣ того, как брестскій мир был окончательно подписан, из Россіи выѣхал было и французскій посол и под-

нялась рѣчь об от'ѣздѣ всѣх дипломатических представителей союзников. Однако союзная дипломатія рѣшила выбрать иной путь. Посольства вернулись, но избрали себѣ своеобразную резиденцію — в Вологдѣ.

Они не хотѣли остаться в Петроградѣ, ибо опасались нѣмцев, но они не переѣхали и в Москву, не желая быть черезчур близко к Совѣтской власти. Они не покинули Россіи, но остановились на той станціи, откуда легко было бѣжать, в случаѣ надобности, на родину.

Так началось пресловутое «вологодское сидѣнье» союзных послов. Это было типичное дипломатическое «ни то, ни се». Союзники не хотѣли еще окончательно поссориться с Россіей, но и не собирались с ней прочно помириться. Они не думали совсѣм порвать с Совѣтской властью, но и боялись признать ее. Они сидѣли между двумя столицами, выжидая новой власти, которая была бы им вполнѣ по душѣ, и принимая мѣры к созданію такой противосовѣтской власти.

В теченіе этого сидѣнья союзных послов между двух стульев союзныя правительства не один раз обмѣнивались соображеніями относительно условій признанія Совѣтской власти.

Так весной по иниціативѣ американскаго кабинета велись переговоры на эту тему, при чем представители Америки предлагали Англіи и Франціи признать Совѣтскую власть и установить с ней общее соглашеніе по вопросам внѣшней политики и заключить финансовые и коммерческіе договоры. Англія сперва отказалась даже обсуждать этот вопрос, но послѣ настояній из Вашингтона согласилась послать делегата на совѣщаніе. Совѣщаніе, однако, не рѣшило вопроса в положительном смыслѣ и неопредѣленное выжиданье продолжалось.

Нѣсколько позднѣе (в маѣ 1918 г.), под впечатлѣніем неудач англо-французов на фронтѣ и успѣхов Совѣтской власти в странѣ, союзная печать снова подняла вопрос о каком-либо соглашеніи с Россіей. Та самая консервативная «Morning Post», которая распространяла столько лжи и небылиц о Россіи, стала писать так:

«Пора англійскому народу перестать вѣрить тому вздору, которым пичкают его отечественные писатели и журналисты в своих статьях и изслѣдованіях о Россіи: будто Россія некультурная, полуграмотная страна, что только в теченіе послѣдних лѣт русскій народ стал смутно сознавать значеніе представительнаго образа правленія, что когда разразилась революція, он не сумѣл удержаться на серединѣ между

абсолютизмом и анархіей и, наконец, что в Россіи возможен только самодержавный строй».

Даже в этой консервативной прессѣ боязнь разгрома на фронтѣ и полнаго торжества Германіи вызвала нотки сочувствія Россіи. Гораздо болѣе рѣшительно за признаніе Совѣтской власти высказывалась радикальная печать, в частности, «Manchester Guardian».

«До настоящаго времени, писала газета, наша политика по отношенію к Россіи отличалась явно отрицательным характером: мы не признавали и не признаем русскаго правительства, не имѣем в Россіи своего аккредитованнаго дипломатическаго представителя, между нами происходят постоянныя тренія,—словом, мы не освѣдомлены, как слѣдует, о событіях в Великороссіи. Подобное положеніе вещей служит лишь благодарной почвой для всевозможных авантюр, из которых нѣкоторыя уже успѣли, к сожалѣнію, принести своим авторам обильные плоды. Пора положить всему этому конец. Нам слѣдует вновь пріобщить Россію к союзу націй путем признанія ея правительства и развитія болѣе дружеских отношеній. Интересы наши совпадают. А это — факт достаточно убѣдительный».

В японской печати даже послѣ десанта, высаженнаго во Владивостокѣ, значительная часть прессы осуждала обостреніе отношеній с Совѣтской властью и указывала, что Мотоно не сумѣл правильно оцѣнить силу и вліяніе Совѣтскаго правительства и благодаря своей оккупаціонной политикѣ напрасно ухудшил отношеніе с русскими сосѣдями. Нѣкоторыя газеты (напр., «Токіо Ници-ници») предлагали немедля принять мѣры к возстановленію добрососѣдских отношеній с Россіей, а для этого признать Совѣтское правительство и вернуть посла Уциду обратно в Россію.

Вся эта нѣсколько раз поднимавшаяся в части радикальной и соціалистической союзной печати агитація за признаніе Совѣтской власти не привела к результатам и оборвалась осенью 1918 г. формальным началом военных дѣйствій союзников против России.

Во время этого безконечнаго колебанія среди союзников опредѣлились три основных теченія по отношенію к Совѣтской Россіи. Самую непримиримую позицію по отношенію к ней заняла наиболѣе политически реакціонная страна, Франція—наш «исконный друг». Заботясь прежде всего и болѣе всего о возвратѣ себѣ тѣх милліардов франков, какіе французскій буржуа дал царскому правительству, Франція особенно рьяно боролась как против революціи, так и

особенно против Совѣтской власти. Именно она воспретила своим соціалистам поѣхать в Россію или установить какой-либо контакт с соціалистической республикой. Именно она с самаго начала стояла за военное вмѣшательство в русскія дѣла и не желала итти ни на какіе компромиссы.

Всего болѣе терпимую позицію по отношенію к Совѣтской Россіи заняло правительство Вильсона. Именно Вильсон единственный из всѣх союзников привѣтствовал Четвертый С'ѣзд Совѣтов и потом неоднократно демонстрировал в своих заявленіях симпатіи к Россіи. В этой политикѣ был ясный расчет. С. Штаты не давали Россіи никаких «ссуд» и «займов» (как Англія и Франція) и им не приходилось безпокоиться за правильную оплату процентов по ним. Они стремились зато возможно скорѣе войти в коммерческія и финансовыя отношенія с Совѣтской Россіей, мечтая о выгодном и почти монопольном для себя использованіи русских природных богатств. Военное вмѣшательство как в Сибири, так и на Мурманѣ естественно передавало бы главную роль в рѣшеніи судеб русских концессій в руки либо стараго врага Штатов — Японія, либо в руки конкурентов — Англіи и Франціи, так как сами С. Штаты, из-за дальности разстояній, не могли бы активно участвовать в этих операціях.

Среднюю позицію между этими двумя занимала Англія, но она очень скоро склонилась на сторону реакціонной политики Франціи.

Как ни колебалась политика союзников по отношенію к Россіи в теченіе «вологодскаго сидѣнья» послов, одна особенность оставалась неизмѣнно присуща поведенію представителей «дружественных» держав в Совѣтской республикѣ: союзныя посольства явно и тайно, при помощи своих приверженцев и наемных агентов разыскивали в Россіи силы и группы, которыя могли бы явиться оплотом в борьбѣ с большевиками и, найдя такія группы, деньгами и связями поддерживали этих заговорщиков. Главной задачей союзных посольств стал взрыв Совѣтской власти изнутри или разгром ея при помощи коалиціи сил, враждебных правительству, с которым посольства все же находились в дѣловых отношеніях.

Эта подпольная и постыдная работа, тщательно скрываемая и до сих пор еще не разоблаченная цѣликом, должна была создать ядро для буржуазной власти, которая была бы безотговорочно пріемлемой для союзных держав и которая бы обязалась безпрекословно выполнять всѣ велѣнія Лондона и Парижа.

В этой контр-революціонной работѣ союзныя державы и их дипломатическія и военныя миссіи в Россіи обнаружили, однако, жалкое непониманіе происходящих событій и потерпѣли ряд постыднѣйших неудач.

Свои первыя надежды в борьбѣ против большевизма союзники возложили на Украину и особенно на Раду, руководимую Петлюрой, Винниченко и К°. Согласно одной из перехваченных союзнических радіотелеграмм, в ноябрѣ 1917 г. «французская военная миссія на румынском фронтѣ получила срочныя инструкціи французскаго правительства войти в тѣсную связь и всѣми мѣрами поддержать украинскую раду послѣ того, как послѣдняя высказалась за поддержаніе порядка и заключеніе мира в согласіи с союзниками. Чины французской миссіи стали работать в тѣсной связи с радой».

Одновременно французскіе представители получили предписаніе «всемѣрно поддерживать мѣстныя политическія организаціи, которыя стремятся к поддержанію возможной боеспособности румынскаго фронта».

Французскіе офицеры с энергіей принялись за эту работу по поддержкѣ организацій, враждебных Совѣтской власти и его политикѣ. Согласно донесенію от конца ноября 1917 г. французы «путем совмѣстной работы с возникшими мѣстными правительствами разсчитывали поддержать видимость русскаго фронта до февраля или марта и оттянуть окончательное заключеніе перемирія до весны». Кромѣ того ими была командирована особая делегація на Дон, чтобы по соглашенію с войсковым кругом обезпечить снабженіем юго-западный фронт и румынскій фронт.

Таким образом французская военная миссія, делегированная к россійскому правительству, откровенно перешла на сторону групп, боровшихся против Совѣтской Россіи.

Эти слѣпыя надежды на Украину очень скоро разочаровали союзников — рада рѣзко порвала с Англіей и Франціей, заключила сепаратный мир с Германіей и впустила на Украину австро-германскія войска.

Вторым козырем союзников было казачество. По мнѣнію самых «авторитетных» знатоков Россіи в Англіи и Франціи, казачество, во-первых, глубоко проникнуто анти-большевистскими стремленіями, а, во-вторых, глубоко и тѣсно связано с союзниками. На поддержку Корнилова, Каледина, Дутова и прочих союзники потратили не мало сил. Оказалось, что часть казачества идет опредѣленно за большевиками, хваленые, «вѣрные союзникам», атаманы и генералы чрезвы-

чайно быстро усвоили германскую оріентацію. Это разочарованіе было так сильно, что союзная печать приняла всѣ мѣры, чтобы замолчать или извратить дѣйствительное положеніе дѣл на Дону. А когда в палатѣ общин один из ораторов, указав на состоявшійся союз казаков с нѣмцами, спросил: «не значит ли это, что в Россіи только Совѣтское правительство является противодѣйствующей силой австро-германскому вліянію?»,—спикер снял этот щекотливый вопрос с очереди, заявив, что «каждому предоставляется дѣлать соотвѣтствующіе выводы».

Спикер боялся, что выводы, сдѣланные публично, обнаружат со всей безпощадностью жалкое банкротство политики англійскаго имперіализма по отношенію к Россіи и большевистскому правительству.

Третьим козырем союзников в их надеждах на сверженіе большевизма были кадеты и буржуазныя партіи вообще. Сколько раз Милюков и его собратья клялись в вѣрности Англіи и Франціи и как часто яростно клеймили они ненавистную варварскую Германію. Однако стоило только германскому командованію совершить реставраціонный переворот и подобрать себѣ новый услужливый кабинет, как среди членов новаго украинскаго правительства оказались и кадеты. Кіевскій комитет партіи не только не выразил изумленія по поводу неожиданнаго германофильства своих сочленов, но вполнѣ одобрил такую быстро стремительную перемѣну оріентаціи. Ту же позицію заняли и всѣ кадеты южной Россіи.

Один из их лидеров, Василенко, так мотивировал свою измѣну союзникам: «Я давно уже убѣдился в том, что историческія обстоятельства сложились так, что наши торговые и экономическіе интересы связаны с центральными державами, главным образом, с Германіей. Нѣкоторые могут возразить ссылкой на наши обязательства по отношенію к союзникам. Правда, мы дали слово союзникам и это слово нарушили. Это тяжелый психологическій момент, но мы его пережили и стоим перед голым реальным фактом. Государство всегда должно стоять на почвѣ государственных интересов и отношенія государства всегда мѣняются. Исторія нам показала, что интересы наши с Германіей всегда были болѣе живыми, чѣм интересы наши с Англіей. Политическіе интересы наши с Германіей часто совпадали. Но нельзя скрывать и того, что политическіе интересы наши с Англіей часто расходились».

Эту позицію по отношенію к союзникам занял и Милюков и другіе виднѣйшіе лидеры партіи. Для кадетов всегда

был близок лозунг: «Хоть с чортом, лишь бы против соціализма и рабочаго класса». Увидав энергичную расправу с соціалистами, которую начали прусскіе шуцманы в Украинѣ, кадеты немедля измѣнили Англіи и бросились в об'ятья германских генералов. Они сразу стали готовы с той же ненавистью кричать о своих недавних союзниках, как недавно кричали о «варварской Германіи».

Так и большинство кадетов не оправдало надежд союзников и перекинулось на сторону нѣмце

Всѣ эти роковыя неудачи убѣдили союзников, что сверженіе рабоче-крестьянской власти возможно лишь при помощи иноземных войск, при посредствѣ наемных ландскнехтов, которые явятся опорой контр-революціонных движеній. И вот всѣ надежды союзников были возложены на чехословацкіе батальоны, находившіеся в самом центрѣ Россіи, близ ея главнѣйших водных путей и желѣзнодорожных магистралей.

Французскіе офицеры и на этот раз оказались во главѣ дѣла. Именно при их руководствѣ начались первыя военныя операціи чехо-словаков, направленныя против Совѣтской власти. К чехо-словакам, поддержанным союзниками деньгами и активной помощью, естественно примкнули всѣ враги рабоче-крестьянской Россіи — кулаки, бѣлогвардейцы всѣх рангов, разорившіеся во время революціи буржуа и помѣщики, правые эс-эры, меньшевики и т. д.

Главной цѣлью этого движенія, взлелѣяннаго и вскормленнаго союзным имперіализмом, было разрушеніе Совѣтской власти и замѣна ея буржуазно-монархическим правительством. Союзники, столько раз лицемѣрно заявлявшіе о своем нежеланіи «вмѣшиваться во внутреннія русскія дѣла», откровенно сорганизовали возстаніе внутри страны. А когда оно оказалось недостаточным для полной побѣды над Совѣтской властью и когда провоцированные французским послом Нулансом возстанія бѣлогвардейцев в Ярославлѣ и др. мѣстах тоже не удались, союзники просто двинули свои войска против своей союзницы Россіи.

Так началась новая война союзников против обезправленной и истомленной Россіи. Неудачи в борьбѣ против сильной Германіи англичане и французы рѣшили компенсировать побѣдами над ослабленной страной, столько лѣт выручавшей своей кровью Англію и Францію от полнаго разгрома.

Так платили союзники за дружбу.

ГЛАВА VIII.

Нападеніе „союзниковъ" на Россію.

Вскорѣ послѣ заключенія брестскаго мира правительственная конференція держав согласія в Лондонѣ опубликовала декларацію, в которой заявлялось о непризнаніи союзниками брест-литовскаго мирнаго договора, как проникнутаго «насильническими, нагло-захватническими стремленіями». Декларація, как обычно, подчеркивала стремленіе союзников установить прочный мир и порядок, основанный на правѣ, и «довершить дѣло торжества цивилизаціи».

Это заявленіе было вполнѣ естественно. Офиціальное признаніе брестскаго мира союзниками было бы равносильно их капитуляціи перед Германіей. Коренные интересы Англіи и Франціи, как имперіалистских держав, были бы в конец подорваны тѣм исключительным усиленіем центральных держав, которое было зафиксировано брестским договором.

Если бы даже нѣмцы осуществили не только свои полуобѣщанія об освобожденіи территорій Франціи и Бельгіи, но даже вернули Эльзас-Лотарингію французам, то и тогда Германія все-таки осталась бы побѣдительницей, диктующей свою волю на Бл. Востокѣ и в Азіи, страной, обладающей гигантским резервуаром сырья и человѣческаго матеріала и грандіозной сѣтью желѣзных дорог и водных путей.

Усиленіе Германіи за счет Россіи укрѣпляло положеніе Турціи и тѣм самым сводило на-нѣт всю мало-азіатскую политику Англіи, наносило удар владычеству англичан в Индіи, Египтѣ и Персіи и дѣлало положеніе всей Британской имперіи шатким и неустойчивым. Недаром с брестским миром совпали новыя попытки вооруженной борьбы в Ирландіи. Всякая побѣда Германіи и особенно в областях Востока усиливает сепаратистскія стремленія англійских «окраин» и нарушает основныя связи, сковывающія Британскую имперію воедино.

С. Штаты еще менѣе могли примириться с захватом Россіи нѣмцами. В интересах Америки сохраненіе в Европѣ своеобразнаго дуализма «Англія — Германія», при котором обѣ державы уравновѣшивают друг друга, конкурируют одна с другой и дают С. Штатам возможность быть своеобразным третейским судьей, конечной инстанціей в европейских и общемірових конфликтах.

Благодаря безспорному «закату» Англіи, как міровой державы, который наблюдался в послѣдніе годы, С. Штаты получают возможность стать вмѣсто нея «владычицей морских волн», міровым банкиром и главным поставщиком всѣх рынков.

Побѣда Германіи над союзниками, нарушая указанный «дуализм» и исключительно усиливая центральныя державы, создавала в лицѣ Германіи опаснаго соперника Штатам и серьезнаго претендента на роль мірового гегемона. К тому же это нарушало и азіатскіе интересы Америки.

Для Франціи исключительное усиленіе сосѣдки на счет Россіи означало низведеніе страны на степень какой-либо Бельгіи или Голландіи, которым вѣчно угрожает сильный и безцеремонный сосѣд.

Уже одни эти мотивы самосохраненія продиктовали союзникам декларацію о «непризнаніи Бреста».

Но мало было сдѣлать такое заявленіе,—надо было намѣтить и какіе-либо практическіе пути для аннулированія тяжкаго для Россіи и невыгоднаго для союзников мира. Раньше в таких случаях союзники охотно прибѣгали к обѣщаніям скораго («этой весной») гигантскаго наступленія на западном фронтѣ, которое рѣшит войну, и клялись «бороться до конца в тѣсном союзѣ с Россіей».

На этот раз представители союзных держав сдѣлали заявленіе совершенно иного характера. Согласно заявленію Бальфура спасеніе Россіи предстало теперь перед союзниками в видѣ, прежде всего, оккупаціи Сибири японскими войсками. На мѣсто каких-либо военных операцій против Германіи на западном фронтѣ или какой-либо активной помощи Россіи и ея правительству, готовившемуся к возсозданію военной мощи республики, был поставлен просто плохо прикрытый раздѣл россійских территорій между союзниками.

Вѣдь было совершенно ясно, что в стратегическом отношеніи оккупаціи Сибири японскими войсками—абсолютный нуль. Опыт салоникской экспедиціи очень убѣдительно показал, что второстепенный театр военных дѣйствій, даже еще столь отдаленный от основной базы, является только балластом для военных операцій.

Оккупація, слѣдовательно, имѣла задачей, главным образом, охранить экономическіе интересы союзников и возмѣстить их матеріальныя потери, а также поддержать контрреволюціонное движеніе против совѣтов.

Заявленіе Бальфура встрѣтило радостный отклик во французской печати. Только со стороны С. Штатов план

военнаго вмѣшательства в русскія дѣла встрѣтил первое время возраженія и отпор.

С. Штаты заявили о своем невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Россіи и о готовности помогать всякому ея правительству и стремленіи «обезпечить истинные интересы Россіи и защитить и сохранить цѣлостность этой великой страны».

Такова была первая офиціальная угроза союзников двинуть свои войска для захвата русских территорій. Послѣ нея началась долгая и упорная борьба между союзниками по поводу активных дѣйствій против Совѣтской власти. В этой борьбѣ Франція и Англія горячо стояли за скорѣйшее открытіе операціи, С. Штаты довольно упорно боролись против вмѣшательства. Англія только ждала сигнала, чтобы двинуть свои войска для новых легких территоріальных пріобрѣтеній.

Эта закулисная борьба имперіалистских правительств из-за раздѣла «союзной» и «дружеской» страны между собой остается еще скрытой от нас в тайниках министерских канцелярій; перед нами выступают только тѣ конкретныя формы, в какія, в концѣ-концов, вылилась оккупація Россіи союзными войсками, и тѣ заявленія, которыя попали в прессу.

Тотчас же вслѣд за рѣчью Бальфура Японія обратилась к С. Штатам и другим державам согласія с запросом об их позиціи в случаѣ, если японскія войска начнут совмѣстно с союзными операціи в Сибири. Цѣль этих операцій Японія формулировала весьма двусмысленно: надо-де спасти (?) цѣнные запасы провіанта и разных матеріалов, принадлежащих союзникам (правильнѣе: проданных союзниками Россіи!) и находящихся во Владивостокѣ и вдоль сибирской магистрали. Этим запасам, по словам японцев, угрожала опасность между прочим и со стороны четверти милліона германских плѣнных, находившихся в Сибири. Кромѣ того указывалось, что и вообще всей сибирской магистрали угрожает захват нѣмцами.

Это практическое предложеніе вызвало общее одобреніе союзных имперіалистов. Англійская консервативная печать находила даже, что японцы могут дѣйствовать и без санкціи союзников, ибо державы согласія не могут оставаться пассивными при видѣ «германских захватов, совершенных по сосѣдству с ними».

Характерно, что, обсуждая этот первый план захватов россійских территорій, почти ни одна из союзных газет не подумала даже задать вопрос: а каково мнѣніе самой Россіи об этой дружеской помощи? И ни одно из союзных пра-

вительств ни разу не попыталось раз'яснить таинственнаго факта: как можно говорить, что вмѣшательство дѣлается «в интересах и с согласія Россіи», если мнѣнія Россіи не спросили, а с правительством Россіи вообще не хотят считаться?

Японскій план оккупаціи еще не был утвержден в полной мѣрѣ, а Японія уже приступила к операціям, на этот раз под новым предлогом.

В началѣ апрѣля 1918 г. подозрительное убійство двух японцев во Владивостокѣ послужило поводом для высадки японскаго, а послѣ и международнаго десанта. Высадка мотивировалась царящей в Сибири анархіей и необходимостью защитить жизнь и имущество японских и др. иностранных подданных. Международная дипломатія словно выдохлась в своих іезуитских выдумках и пустила в оборот тот же самый затасканный предлог для оккупаціи, который щедро примѣнялся при всѣх марокканских авантюрах Франціи, при раздѣлѣ Китая между европейскими держaвами, при захватах в Африкѣ. Всюду имперіализм вторгался ради «защиты иностранных подданных», во имя отмщенія жизни убитых миссіонеров или коммивояжеров.

Разумѣется, это первое вторженіе союзных врагов в предѣлы русской территоріи сопровождался и обычными лживыми обѣщаніями. Консульскій корпус сообщал, что войска высажены лишь временно, что они снова будут посажены на суда, когда в городѣ «водворится порядок, обезпечивающій жизнь, имущество и личную безопасность иностранных подданных». Кромѣ того консулы «категорически заявили», что «вмѣшательство во внутреннюю жизнь Россіи со стороны представляемых ими держав не предполагается».

Разумѣется, всѣ эти обѣщанія были простой наглой ложью. Войска уведены не были, хотя никакого «безпорядка» не было. Иностранный десант и представители союзников немедля начали борьбу с Совѣтами, завязали сношенія со всѣми правительствами Сибири, пытавшимися организовать силы против большевиков (Хорватом, Семеновым, сибирским правительством и т. д.) и начали дѣятельно помогать им сперва деньгами и припасами, а потом и военными силами.

В іюнѣ, когда чехо-словаки начали проявлять особенную активность, имперіалистская печать возобновила яростную кампанію за вмѣшательство в русскія дѣла и притом в самом грандіозном размѣрѣ. «Times», требуя безотлагательной высадки союзных войск в Россіи, писал: «Угроза германскаго господства над Россіей серьезнѣе, чѣм угроза германскаго наступленія на Западном фронтѣ. На этом фронтѣ

германцы будут, в концѣ-концов, разбиты, но если они получат господство над Россіей, то они тѣм самым выиграют войну, несмотря на неизбѣжное пораженіе на Западѣ. Русская проблема—это міровая проблема, так как та сила, которая сумѣет преобразовать и организовать Россію, будет господствовать во всей Европѣ в теченіе по крайней мѣрѣ цѣлаго поколѣнія.

«Daily Mail» восхваляла политику Японіи и рекомендовала принять ея услуги в борьбѣ против Германіи за «извѣстныя компенсаціи» (за счет Россіи, очевидно). Консервативная «Pall Mall Gazette» и либеральная «Daily Chronicle» тоже стали требовать вмѣшательства в русскія дѣла. Вліятельная имперіалистская газета С. Штатов «New York Times» предлагала приступить к оккупаціи.

При этом вся печать опредѣленно указывала, что с Совѣтской властью союзники не хотят считаться и будут искать опоры в буржуазных элементах страны. «New York Times», опредѣленно намекая на чехо-словаков и аналогичные элементы, дѣлала и другой намек: «Россія не сможет стать силой, пока у нея не будет возможности опереться на какіе-либо военные элементы. Важно, чтобы появилось ядро, вокруг котораго собрались бы русскія военныя силы».

И послѣ этого представители и полупредставители союзных держав в Россіи в различных заявленіях и интервью нѣсколько раз дѣлали завѣренія, что вмѣшательства не ожидается, оккупаціи не предстоит и т. д. В то же самое время за кулисами шла энергичная подготовка военной кампаніи против Россіи и заговорщицкой кампаніи против Совѣтской власти.

Наконец, в іюлѣ-августѣ, когда впервые послѣ долгих лѣт войны англо-французы добились нѣкотораго успѣха на зап. фронтѣ, союзники окончательно приступили к молчаливому, без об'явленія военных дѣйствій, но при помощи пулеметов и артиллеріи, завоеванію россійских территорій с Сѣвера и Востока—со стороны Архангельска и Мурмана и со стороны Восточной Сибири.

Мы уже знаем нѣкоторые из пресловутых мотивов, которыми пытались прикрыться союзники, чтобы оправдать открытіе военных дѣйствій против недавней союзницы и насильственный захват территорій Россійской республики.

Они хотѣли «охранять запасы», проданные союзниками Россіи. Хотя оставалось неясным, от кого собственно их надо было охранять и почему русскіе запасы должны обязательно охраняться чужеземными войсками, но было все-таки понятно, что союзники опасаются, уплатит ли Россія за эти

товары, и просто собираются отобрать их обратно. В таком видѣ этот мотив был достаточно прозаичен, но он никак не оправдывал крупных военных операцій и особенно захватов территоріи.

Союзники неоднократно указывали, что их безпокоит судьба сибирской магистрали, которую якобы собираются захватить многочисленные (250 тысяч!) вооруженные отряды нѣмецких военноплѣнных. По приглашенію Совѣтскаго правительства представители американской и англійской военной миссіи об'ѣхали всю Сибирь, чтобы провѣрить этот слух, и затѣм категорически заявили, что никаких вооруженных отрядов такого рода нигдѣ нѣт и ни малѣйшей опасности со стороны нѣмецких плѣнных не предвидится.

Чтобы подкрѣпить свою аргументацію, союзники начали указывать на необходимость созданія новаго восточнаго фронта в цѣлях освобожденія Россіи от германскаго ига. Однако совершенно ясно, что для созданія такого фронта сами союзники при отдаленности базы и отсутствіи сил (недостаточных даже на западном фронтѣ) не смогут дать нужнаго количества войск. Слѣдовательно, они разсчитывают на русскія силы. Они хотят насильственно втянуть страну в новую кровопролитную войну, которая по существу может только еще болѣе ослабить Россію и дать Германіи возможность расширить свои территоріальные захваты в Россіи. Союзники, провоцируя новую войну, просто собираются предать нашу родину новому растерзанію.

Когда англо-французскія и японскія войска начали свои военныя дѣйствія в Россіи, союзники сочли необходимым обратиться к русскому народу с высокомѣрными обращеніями, оправдывающими вмѣшательство союзников в русскія дѣла. Каждое союзное правительство сочинило свой собственный манифест. Каждое по особому пыталось оправдать насиліе над Россіей, но ни одно не сумѣло привести хоть сколько-нибудь вразумительных доводов. Одни толковали о помощи чехо-словакам, которым якобы грозят нѣмцы, об охранѣ военных складов, о желаньи помочь экономическому возрожденію Россіи, о намѣреніи защитить Россію против Германіи, о стремленьи облегчить продовольственную нужду сѣвера Россіи и т. д.

Эта аргументація была столь же лжива. Помощь чехословакам, при обѣщаньи не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, означала не что иное, как поддержку контр-революціоннаго движенія буржуазіи, помѣщиков и кулаков против рабоче-крестьянской Совѣтской Россіи. Обѣщанье продовольствія шло в разрѣз с поддержкой чехо-словаков, ибо именно

благодаря ей и сѣвер Россіи и Великороссія оказались отрѣзанными от сибирских хлѣбных запасов. Своей политикой союзники осудили Россію на голод. Сами они, разумѣется, не могут дать никакого продовольствія, так как у них его самим нехватает.

Слова об экономической помощи были обычной ложью, ибо Совѣтская Россія много раз обращалась за такой помощью к союзникам и готова была хорошо платить за нее, но союзники величаво уклонялись от дѣловых соглашеній с рабоче-крестьянской Россіей.

Все это жалкое краснобайство союзных правительств не могло прикрыть скрытых и основных цѣлей вмѣшательства, ибо о них вполнѣ откровенно и много раз говорила вся союзная печать, когда она мотивировала необходимость военной экспедиціи против Россіи.

Одна из основных задач нападенія союзников на Россію—это вернуть себѣ тѣ десятки милліардов, которые союзный капитал в свое время ссудил царскому правительству. Как извѣстно, Совѣтское правительство аннулировало эти займы, совершенные без санкціи народа, на хищнических условіяхъ и сто раз оплаченные кровью русских солдат на полях Польши и Галиціи. Но даже если бы иностранные займы не были аннулированы, союзники имѣли бы основаніе опасаться, что истощенная Россія не сможет уплатить по ним, если не принять каких-либо экстренных мѣр.

Так как союзники продолжали оплачивать проценты по этим займам (пока что за свой счет), то у них все время было побужденіе принять эти особыя мѣры, чтобы возмѣстить новые расходы по русским долгам.

Издававшаяся в Россіи имперіалистская газетка «Journal de Russie» с полной откровенностью именно так об'ясняла необходимость вмѣшательства в русскія дѣла. Сколько слез и жалоб изливал вдохновитель этой газетки Людовик Нодо о «несчастных» французских рантье, которые «довѣрили свое жалкое состояніе русскому обществу в его цѣлом» (не царю ли?) и которых «большевики считают возможным безнаказанно обирать». «Аннулируя займы, — плакался Нодо,— большевики приносят ущерб нашему народу, нашей демократіи». Он заявлял, что французы никогда не откажутся от огромнаго капитала, который они «истратили в Россіи, и угрожал, что они «добьются, чтобы им уплатили» хотя бы даже при помощи «палочных ударов». «Мы вернем назад все, чѣм французы владѣют в Россіи»—писала газета.

Точно такіе же мотивы охотно приводила вся англійская пресса, мотивировавшая оккупацію. За время войны Англія

ссудила царскому правительству нѣсколько десятков милліардов рублей и отнюдь не собиралась считать их навсегда потерянными.

Так союзники явились к Россіи, как истинный Шейлок, готовый, если нѣт денег, вырѣзать кусок мяса, да еще поближе к сердцу.

Но, думая о возвращеніи займов, союзники отнюдь не забывали и других экономических выгод, которыя им мог принести захват русских территорій. Перед их глазами рисовались безчисленныя концессіи на эксплуатацію природных богатств Россіи, постройка жел. дорог, добыча металлов, вывоз богатѣйшаго сырья, в котором так остро нуждаются всѣ европейскія страны, и т. д. Союзники разсчитывали вполнѣ правильно—если даже сами территоріи Россіи не будут офиціально присоединены к союзным державам, то во всяком случаѣ всѣ их экономическіе рессурсы попадут цѣликом под контроль союзников. Так при помощи вооруженных сил совершилось бы то экономическое завоеваніе Россіи, о котором Англія и Франція мечтали все время войны, но без всякаго результата. Побѣда Германіи и мир с ней сулили теперь, что русскій рынок вновь будет завоеван дешевыми германскими фабрикатами, вмѣсто дорогих англійских, и союзники поспѣшили пушками и пулеметами защитить своих купцов и фабрикантов.

Россія предстала перед союзниками уже не как держава, которая может помочь им своими войсками, а прежде всего, как богатѣйшая колонія, вторая Индія, которую можно безнаказанно и нагло эксплуатировать, пользуясь ея временной слабостью. Союзники рѣшили послѣдовать примѣру германскаго правительства в его тактикѣ на югѣ Россіи и создать свои собственныя оккупированныя мѣстности в Россійской республикѣ, гдѣ безраздѣльно царил бы англо-французскій капитал.

Как раз за нѣсколько недѣль до мурманской и архангельской экспедицій англичан, которыя мотивировались желаньем «помочь русским в борьбѣ против Германіи», на сѣвер Россіи была послана офиціальная англійская экспедиція во главѣ с Стеббингом для выясненія природных богатств края, прежде всего лѣсных. Стеббинг в своем докладѣ в лондонском королевском географическом обществѣ сообщил, что одни только лѣсныя богатства, находящіяся на востокѣ от Архангельска, в малоизслѣдованной и малообитаемой мѣстности, могли бы удовлетворить потребности Англіи в теченіе 30—40 лѣт. Этих богатств, по мнѣнію докладчика, хватило бы для покрытія всего военнаго долга Россіи. Стеббинг

предупредительно добавлял, что «революціонное движеніе почти не отразилось на краѣ и работы идут как раньше».

Таким образом было совершенно ясно, что свободолюбивая Англія, освобождающая Россію от нѣмцев, в первую очередь собиралась «освободить» нашу родину от лѣса и тѣх богатств, которыя имѣются в оккупированных областях. «Помощь» русскому народу сводилась к ограбленію страны во славу англійскаго казначейства. Англія и Франція за счет русскаго народа хотѣли поправить свое разстроенное войной финансовое положеніе. Они хотѣли захватить в свои руки области, откуда можно вывозить сырье, столь необходимое для возстановленія разрушенной войной промышленности.

Неудивительно, что они с особой любовью толковали об оккупаціи Сибири, гдѣ природныя богатства так исключительны. Понятно, что англичане с такой энергіей двинулись спасать бакинскія нефтяныя вышки, а чехо-словаки были двинуты ими в богатѣйшую область Урала. Вниманіе союзников привлекали всѣ районы, гдѣ легко и выгодно можно было поживиться. Откровенный грабеж Россіи—вот основной лозунг союзнаго вмѣшательства.

Их планы о созданіи новаго восточнаго фронта сводились в сущности к двум заданіям — прежде всего они разсчитывали отвлечь германскія войска с западнаго фронта на поля обезкровленной Россіи и, предавая Россію на новое растерзаніе, тѣм самым облегчить положеніе Франціи. Послѣ долгих лѣт борьбы союзники убѣдились, что даже с помощью американцев их положеніе на западном фронтѣ вряд ли сможет существенно измѣниться, если не отвлечь нѣмцев куда-либо на другой фронт. Предать Россію, чтобы спасти себя,—таково было одно из заданій оккупаціи. Десантные отряды по своей незначительности не могли, конечно, явиться какой-либо опасностью для Германіи, но они провоцировали новое вторженіе нѣмецких войск в Россію.

И этим самым союзники пытались достигнуть второй задачи — втянуть Россію даже против ея воли в новую войну с Германіей. Союзников ни мало не интересовало, что против новой войны было подавляющее большинство населенія, что Россія в этой новой бойнѣ пострадает еще больше. Им было важно хоть как-нибудь ослабить Германію, с которой они не могли справиться своими силами.

Другим существеннѣйшим мотивом оккупаціи Россіи было стремленіе свергнуть соціалистическое большевистское правительство во имя буржуазно-монархической реставраціи. «Times» писал 31 іюля: «Теперь главным, существенным вопросом является разрушеніе большевистскаго движенія,

послѣ чего всѣ политическія партіи будут имѣть возможность об'единить свои усилія и требованія».

Это сверженіе Совѣтской власти было завѣтной мечтой союзнаго имперіализма. Он ясно сознавал, что Совѣтская республика несет гибель имперіализму всего міра. Он чувствовал, что «зараза» соціализма уже распространилась в его собственные предѣлы. Англійскіе и французскіе рабочіе стали все болѣе склоняться к тактикѣ большевизма и незадолго до вмѣшательства высказались за разрыв гражданскаго мира.

Эта опасность международной революціи толкала союзников к рѣшительным мѣрам, надо было возможно скорѣе, во имя самосохраненія, стереть главу русскаго революціоннаго змія.

Таковы были главнѣйшія основанія союзническаго нападенія на Россію.

ГЛАВА IX.

Союзники и реакція.

Чтобы хоть как-нибудь оправдать свое вооруженное вторженіе в предѣлы Россійской республики, союзныя правительства попытались изобразить, что их якобы приглашал сам русскій народ и его какіе-то авторитетные представители. Совершенно не считаясь с дѣйствительным правительством республики и ясно выраженной через Совѣты волей рабочих и крестьян Россіи, союзники попытались выдать за голос страны тѣ вопли и крики, которые исходили из лагеря всѣх врагов революціи и соціализма.

За границей союзники нашли себѣ достаточное количество людей, готовых изображать из себя истинных представителей русскаго народа.

Всѣ бывшіе царскіе дипломаты, всѣ роялистскіе эмигранты, бѣжавшіе из Россіи, всѣ господа из право-эсэровскаго и даже меньшевистскаго лагеря, об'единились в дружной агитаціи за вмѣшательство иноземцев в русскія дѣла. Эти непрошенные ходатаи по дѣлам россійским обивали пороги пріемных союзных министров, они информировали о положеніи дѣл в Россіи, они совѣтовали, они умоляли скорѣе прійти на помощь.

Кого только не было среди этих самозванных «представителей» русскаго народа, звавших союзников вторгнуться в Россію и повести борьбу с большевиками.

Вот Керенскій, спеціально объѣхавшій с этой цѣлью союзныя страны. Вокруг него было создано много шума, но чѣм в сущности был этот человѣк в русской революціи? «Главноуговаривающим», жалким истерическим болтуном, позорной игрушкой в руках союзнаго имперіализма и собственных русских авантюристов. Что он дал Россіи, кромѣ «18 іюля», борьбы с большевизмом, бутафорскаго московскаго совѣщанія, комедіи с Корниловым, в которой он сам играл двусмысленную роль, и гибельной затяжки міровой войны? В трагедіи русской революціи Керенскій выскочил как актер французской школы с ложным пафосом, крикливыми вывертами и чуждой массам психологіей. За свои мѣсяцы премьерства он обнаружил лишь неврастеническій апломб, политическую близорукость и полную неспособность к государственному управленію. А бѣжав из Россіи, этот жалкій банкрот, едва не погубившій русскую революцію своим соглашательством с буржуазіей, поспѣшил с помощью чужеземных штыков, как новый Гришка Отрепьев, свести счеты с рабоче-крестьянской властью и вернуть себѣ утраченное положеніе.

Вмѣстѣ с шумливым Керенским за вмѣшательство выступили всѣ наши ех-дипломаты: содержанка англійскаго капитала Набоков, еще не утратившій надежд на царскія милости, пресловутый Терещенко, учившійся быть великим дипломатом, но оказавшійся лишь хорошим мальчиком для порученій у сэра Бьюкенена, царедворец Извольскій, ставленники Керенскаго Стахович и Ефремов и пр. А вмѣстѣ с ними заговорили разные россійскіе генералы, бывшіе предводители дворянства, князья и графы, бѣжавшіе в Европу от рабочей революціи.

Все старое царское отребье, которое не осмѣлилось появиться в Россіи послѣ сверженія самодержавнаго режима, всѣ «новые эмигранты» стали громко призывать союзныя войска на помощь против Совѣтов.

И словно подголоски царской знати на ту же тему писали и говорили разные Бурцевы, Кричевскіе и другіе «друзья» русскаго народа, к счастью, этим народом не признанные.

Во французских гостиных и кабинетах, в англійских клубах уже стали изготовляться списки новаго россійскаго кабинета, который должен воцариться в Россіи при помощи штыков союзных войск, но якобы по волѣ русскаго народа. Разумѣется, в этот кабинет были намѣчены люди из этих заграничных неудачников, готовых на монархическую и буржуазную реставрацію.

Таким образом для защиты своего вмѣшательства союзники нашли сторонников за границей исключительно из числа бывших людей, мечтавших сломить рабочее правительство, и нанести удар соціализму.

С такими же контр-революціонными элементами они поспѣшили связаться и в самой Россіи. Они поддерживали подозрительное правительство царскаго генерала Хорвата в Сибири и даже есаула Семенова с его полуразбойничьими шайками, они вошли в тѣсный контакт со всѣми группами и партіями, боровшимися против рабочих и крестьян в Сибири, на Кавказѣ, в областях, занятых чехо-словаками, на сѣверѣ Россіи. Они помогали правым эс-эрам в их борьбѣ против Совѣтов, они оказывали содѣйствіе всѣм буржуазно-монархическим образованіям, стремившимся повернуть вспять могучее колесо революціи.

Одним словом, союзники пытались явиться связующим элементом для всѣх реакціонных сил, в цѣлях монархической и буржуазной реставраціи.

Об этих планах монархической и буржуазной реставраціи в Россіи союзный имперіализм говорил в своей печати с циничной откровенностью. «Temps», «Times», «Journal des Debats» и т. п. газеты подробно разрабатывали проекты сверженія власти Совѣтов и возстановленія буржуазнаго порядка. В одной характерной статьѣ «Journal des Debats» с полной ясностью выяснил позицію союзников в их борьбѣ против Россіи. Орган французской консервативной буржуазіи прежде всего выражал соболѣзнованіе тѣм тысячам русских буржуа и собственников, которые разорились в эпоху революціи, тѣм свѣтским дамам, которыя теперь вынуждены были работать, и тѣм офицерам, которые устранены были от своего первенствующаго положенія. Газета с упоеніем констатировала, что в Россіи якобы «создалась огромная контр-революціонная кліэнтура, готовая отдаться в распоряженіе какого угодно спасителя». «Journal des Debats» выражал опасеніе, как бы Германія не воспользовалась этими контр-революціонными силами для реставраціи царизма и тѣм не создала себѣ новаго военнаго союзника. Поэтому газета рекомендовала союзникам самим продѣлать эту работу реставраціи. Газета откровенно заявляла, что «задача союзников в Россіи сводится к экономической и политической реставраціи».

В то же самое время представитель англійской военной миссіи в Италіи генерал Миллер прямо указывал, что союзники должны будут «поддержать в Россіи различныя контр-

революціонныя движенія и оказать им всяческую военную поддержку».

С первых же дней оккупаціи Мурмана и Архангельска англо-французскій десант начал прибѣгать к системѣ террора, усвоенной нѣмцами на югѣ Россіи. Англичане, еще раз учтя опыт ненавистной им германской военной партіи, рѣшили создать «Украину на Сѣверѣ». Они начали арестовывать всѣх, кто протестовал против их насильственнаго вторженія в предѣлы Совѣтской республики, и разстрѣляли трех членов кемскаго совѣта рабочих депутатов за отказ подчиниться захватчикам.

Этот позорный разстрѣл был совершен по всѣм правилам имперіалистской насильнической политики. Сперва была создана из мѣстных контр-революціонеров новая организація, якобы представляющая «истинные интересы народа»: чужестранцы всегда в таких случаях являются цѣнителями того, кто является «истинным» представителем населенія. Когда кемскій Исполком отказался подчиниться вновь испеченной имперіалистами организаціи, поступившей на услуженіе англичанам, его виднѣйшіе лидеры были разстрѣляны. При этом распоряженіе исходило от англійскаго командованія, а черная работа палачей была возложена на сербских солдат.

Заняв сѣверныя области Россіи, союзники попытались опереться на зажиточные, буржуазные слои населенія. При посредствѣ торгово-промышленников и соціал-соглашателей они создали в Архангельскѣ «Верховное Управленіе», которое должно было явиться опорным ядром для возсозданія в Россіи новой власти взамѣн Совѣтской.

Неудивительно, что рабочіе Архангельска единодушно высказались против новой власти и подчеркнули свое желаніе стоять на классовой позиціи, т.-е. итти вмѣстѣ со всей Совѣтской Россіей.

Подготавливая реставрацію, союзники и их приспѣшники повторяют, что они стремятся возстановить Учр. Собраніе, земство, городское самоуправленіе.

Лозунг Учр. Собранія им важен потому, что вокруг него давно уже началось об'единеніе всѣх врагов рабоче-крестьянской власти. Пользуясь тѣм, что состав Учр. Собранія опредѣлился в до-октябрьскіе дни и поэтому дает перевѣс правым эс-эрам и другим умѣренным и контр-революціонным группам, союзники попытались совершить под видом защиты народной воли непосредственное и явное насиліе над желаніями масс в свою пользу. С тѣм же правом они могли бы созвать и Гос. Думу третьеіюньскаго состава. Для них Учр.

Собраніе лишь хорошая ширма, а члены его—послушныя орудія воли союзнаго империализма.

Чуть-чуть утвердившись в оккупированных областях, союзники сейчас же круто повернули вправо. Они устами «Daily Mail» и «Times'а» заявили, что считаться с русскими партіями нечего, что надо ввести военную диктатуру и полевые суды. Они арестовали архангельское «правительство», дабы откровенно дать власть реакціонным монархистам.

Как понимают союзники возстановленіе городского и земскаго самоуправленія, достаточно показал владивостокскій опыт. Когда в городскую думу, избиравшуюся на основѣ прежняго избирательнаго права, в большинствѣ попали коммунисты, союзники без всякаго смущенія арестовали избранников населенія, принадлежавших к партіи большевиков. Очевидно, всѣ хорошіе лозунги о народных правах союзники толкуют лишь в интересах буржуазных групп, готовых итти у них на поводу. С рабочим классом и крестьянством союзники не хотят считаться. Для них они—кровные враги.

Не довольствуясь открытым нападеніем на Россію, союзники прибѣгли и к заговорщицким пріемам. Британская миссія создала при помощи десятков милліонов рублей сложную сѣть тайной организаціи для сверженія большевиков. Англійскіе и французскіе агенты под руководством членов союзной дипломатіи (г. Локкарта и др.) организовали подкуп совѣтских работников, кражу документов и в своей наглости пытались даже подкупить красноармейцев для устройства переворота, похищенія Совѣта Нар. Комиссаров, разстрѣла Ленина и Троцкаго и об'явленія войны Германіи. Союзники заготовили поддѣльные документы, которые должны были «уличить» большевиков в связях с германским правительством. Одним словом, они пустили в ход всѣ гнусныя средства, какими только можно было воспользоваться.

Если сравнить политику «союзников» на сѣверѣ Россіи и в Сибири с тѣм, что дѣлает германское командованіе на Украинѣ, то придется признать полную аналогію. Англофранцузы, как и нѣмцы, оккупируя русскія земли, прежде всего стремятся наладить экономическую эксплуатацію завоеванных областей. Чтобы эта эксплуатація шла успѣшно, обѣ союзно-враждебныя Россіи коалиціи организуют реакціонные и умѣренные элементы для созданія при их посредствѣ буржуазно-помѣщичьей власти, во-первых, угодливо-послушной перед завоевателями, во-вторых, непримиримо враждебной рабочему классу и бѣднѣйшему крестьянству

и, слѣдовательно, охотно идущей под лозунгами имперіализма.

Нападеніе союзников на Россію и наглая политика их в предѣлах нашего отечества нагляднѣйшим образом показало, как лживы и наивны были разсужденія всѣх соціал-патріотов, противопоставлявших «гуманный» имперіализм Англіи «варварскому» имперіализму Германіи. Вторженіе в Россію должно было раскрыть глаза даже самым закоренѣлым поклонникам англійскаго имперіализма, поскольку они не были сами имперіалистами до мозга костей.

Реакціонная роль союзников в русских и обще-европейских дѣлах не была тайной ни для одного внимательнаго и безпристрастнаго наблюдателя внутренней жизни Англіи, Франціи или С. Штатов.

Весь ход міровой войны толкал союзников в сторону реакціи. Имперіализм и имперіалистская война имѣют свою желѣзную логику, которая смолола без остатка былое свободолюбіе Англіи и демократизм Франціи.

Война поставила у власти наиболѣе закоренѣло-реакціонных политических лидеров союзных государств. В Англіи под руководством Ллойд Джорджа создалась диктатура консервативной партіи. Кабинет Клемансо об'единил всѣх дѣятелей черной реакціи во Франціи.

Во внѣшней политикѣ союзныя правительства выдвинули единый лозунг—война до побѣднаго конца, до полнаго разгрома Германіи. Это означало войну до безконечности, до полнѣйшаго истощенія.

В своей внутренней политикѣ союзники держались принципа яростной борьбы против интернаціональнаго соціализма и против рабочаго движенія вообще. Опираясь в этом случаѣ на содѣйствіе измѣнников рабочаго класса — соціал-патріотов, союзныя правительства создали в своих собственных странах систему реакціоннаго террора.

Против попыток рабочих улучшить свое положеніе путем забастовок были созданы спеціальные законы, разрѣшавшіе правительству примѣнять самыя рѣшительныя мѣры, включая аресты, высылки, отдачу на военную службу и т. д. Против соціалистической и пацифистской печати были пущены в ход не только свирѣпая цензура, но и судебные приговоры, поражавшіе своей жестокостью. Лидеры рабочаго движенія, боровшіеся против имперіализма, подверглись гоненіям, которых европейское рабочее движеніе не знало цѣлыя десятилѣтія. Гражданскія свободы и гарантіи человѣче-

ской личности были сведены на-нѣт и отмѣнены благодаря спеціальным законам об усиленной охранѣ.

Тюрьмы Англіи и Франціи оказались переполненными «политическими» заключенными. Суд и полиція заработали во-всю, преслѣдуя революціонный соціализм [1]).

Не было ничего удивительнаго, что Совѣтская Соціалистическая Республика вызвала такую ярость и союзных правительств. Она своим авторитетом, своим вліяніем, своей политикой поддерживала всѣ силы, боровшіяся в Европѣ против имперіализма. Она являлась угрозой самому существованію буржуазнаго міра. Она «заражала» Европу ядом коммунизма. Она разстраивала всѣ планы союзников на «войну до конца» и на окончательное торжество над рабочим движеніем.

Поэтому Англія и Франція явились еще болѣе непримиримыми врагами Совѣтской Россіи, чѣм германская военная партія. Для союзнаго имперіализма охрана основ существующаго буржуазнаго режима была главной задачей момента. В условіях международной революціи это сводилось к сплоченію всѣх реакціонных сил для борьбы против рабочаго класса и его революціонных идеалов.

Все это заставило имперіалистскія правительства Англіи и Франціи избрать путь черной реакціи. Якобы «гуманные» кабинеты Клемансо и Ллойд Джорджа стали во главѣ борьбы против революціоннаго соціализма.

Слова «союзники» и «реакція» стали отнынѣ синонимами. «Свободолюбивые бритты» и «потомки Великой Революціи»— французы оказались покорным орудіем имперіализма в его борьбѣ за охраненіе современнаго крѣпостного права — капитализма.

ГЛАВА X.

Истинные союзники Совѣтской Россіи.

Когда в европейской печати появились первыя извѣстія о вторженіи союзников в предѣлы Россіи и о первых вооруженных столкновеніях англо-французов с Совѣтскими войсками, «друзья Россіи» из лагеря буржуазіи не могли скрыть своей радости. Наконец-то против ненавистной соціалистической республики предпринят поход! Наконец-то и союзники

---

[1]) Подробнѣе об этом см. в моей книгѣ «Новая Англія».

поживятся русским сырьем, как это дѣлают германцы! Наконец-то станет на твердую почву экономическая эксплуатація обезсиленной Россіи в пользу союзнаго капитала!

Поход на Россію сулил союзным хищникам легкія побѣды, которых они давно не видали, и вселял в них радужныя надежды на скорое обогащеніе. Вѣдь финансы даже Англіи пошатнулись. Франція, нѣкогда европейскій банкир, попала в денежную кабалу к С. Штатам. Раздобыть средств для поддержки военных расходов и сырья для производства было завѣтной цѣлью имперіалистов.

Понятно, что начавшійся грабеж Россіи союзниками окрылил надежды всѣх торгово-промышленных и финансовых дѣятелей Англіи, Франціи, Японіи.

В эту трагическую минуту коварнаго нападенія бывших союзников на обезкровленную страну Совѣтская Россія нашла отклик только в рядах европейскаго пролетаріата.

Французскіе рабочіе протестовали против новой имперіалистской авантюры и устроили в Парижѣ бурную демонстрацію, опечалившую союзных буржуа.

Англійскій пролетаріат устами «Британской Соціалистической Партіи» и «Независимой Рабочей Партіи» выразил свое негодованіе по поводу вторженія союзников в предѣлы Россіи.

Такіе же протесты были сдѣланы итальянскими, швейцарскими и американскими соціалистами.

В своем воззваніи англійскіе соціалисты («Независимая Рабочая Партія») очень хорошо передали мысли, одушевляющія весь западно-европейскій пролетаріат в связи с авантюрой союзников.

«Военное вмѣшательство союзников в Россіи против желанія русскаго правительства и народа есть вызов демократіи и соціализму,—писали они.—Мы увѣрены, что эта попытка дѣлается в цѣлях задушить освобожденную соціальную революцію и возстановить власть капитализма. Это вторженіе встрѣтит сопротивленіе со стороны русскаго народа и, в лучшем случаѣ, окунет Россію в ужасы гражданской войны, увеличив страданія народа, в связи с промышленной разрухой и голодом. Соціалисты наши и других союзных стран не могут остаться молчаливыми и безразличными к вызовам и угрозѣ таковаго посягательства со стороны имперіалистических правительств. Мы призываем британских организованныхъ трудящихся выразить свое сильнѣйшее осужденіе участію британскаго правительства в дѣлѣ, являющемся преступленіем против русской національной независимости и

русской революціи, которая, несмотря на всѣ свои недостатки, принесла столько надежды на освобожденіе народов — преступленіем, которое, в случаѣ поддержки его, окажется губительным не только для Россіи, но и для всей демократіи всего міра».

Этот протест против коварнаго нападенія союзников на Россію об'единил западно-европейскій пролетаріат, потому что ему был совершенно ясен весь реакціонный смысл союзной авантюры.

Вторженіе в Россію и попытки вовлечь ее в новую войну против Германіи непосредственно содѣйствовали затягиванью европейской войны и уже по одному этому вызвали недовольство союзнаго пролетаріата, истомленнаго войной.

Еще болѣе понятна была другая задача вторженія—сокрушить рабочую власть в Россіи, сломить создавшуюся там диктатуру пролетаріата. Как ни мало освѣдомлены были рабочіе Европы о дѣйствительном положеніи дѣл в Россіи, они ясно понимали, что Совѣтская власть есть истинно-народная власть, дѣйствующая в интересах трудящихся, и поэтому всякое нападеніе на нее есть удар интересам пролетаріата.

Таким образом нападеніе союзников на Россію естественно усилило узы, которыя связывают россійскій пролетаріат с западно-европейским. Трудящіяся массы Россіи нашли себѣ новых, истинных и безкорыстных союзников в рядах рабочих масс Европы.

Но у Россіи, подвергшейся нападенію союзников, оказались и другіе друзья, которые уже не первое десятилѣтіе страдали от англійскаго имперіализма и давно боролись против британскаго самодержавія — именно англійскія колоніи.

В своих военных и экономических планах против Россіи союзники как раз и мечтали превратить нашу страну в свою новую колонію, сдѣлать из нея что-то среднее между эксплуатируемой Индіей и угнетенной Ирландіей. Даже само завоеваніе Россіи англичане проектировали вести по испытанному методу своих войн в Индіи—завоевывать при помощи не англійских, а туземных войск. В нашем отечествѣ они попытались опереться на русских бѣлогвардейцев и чехо-словаков, оставив собственно англійским войскам роль оккупаціонных отрядов, приходящих уже на готовое, послѣ побѣды, одержанной чужими руками. Англичане предпочитали командовать, проливать кровь они предоставляли другим.

Попадая в положеніе завоевываемой союзниками колоніи, Россія должна будет в своей самозащитѣ протянуть руку всѣм странам, угнетаемым англо-французским имперіализмом.

Одно из первых мѣст среди них принадлежит богатой и населенной Индіи.

Положеніе Индіи под владычеством Англіи систематически ухудшалось. Почти цѣлая треть населенія (100 милл. из 315 милл.) живут на краю голода и не знают, что такое быть сытым. Если за первыя 80 лѣт XIX ст. от голодной смерти погибло около 18 милл. чел., то за первыя 16 лѣт текущаго столѣтія число погибших от голода измѣряется 20 милліонами.

Средній дневной заработок населенія равнялся в 1850 г. 2 пенсам, а к 1900 упал до $^3/_4$ пенса, т.-е. до *трех* копеек. Треть этого нищенскаго заработка отбиралась в британскую казну. Населеніе платит в три раза больше налогов (относительно) чѣм Англія. Индія — единственная страна в мірѣ, гдѣ благодаря англійскому правительству сохранился проклятый всѣми народами «соляной налог». До войны этот налог давал свыше 3 милл. ф. ст., а затѣм был значительно повышен. Этот налог привел к тому, что индусы потребляют в два раза меньше соли, чѣм это признано необходимым для человѣческаго организма.

Деньги, выкачиваемыя Англіей из Индіи, тратятся на обще-англійскія нужды. За послѣднія сто лѣт Индія была вынуждена заплатить свыше 100 милл. ф. ст. на военныя кампаніи Англіи, в которых индійское населеніе абсолютно не было заинтересовано. Кромѣ того в Индіи англичане набрали не мало сотен тысяч солдат-туземцев для своих имперіалистских войн.

Экономическая политика Англіи в Индіи свелась к тому, чтобы вывозить из страны сырье, снабжать страну продуктами англійских фабрик и всѣми мѣрами разрушать мѣстную промышленность Индіи. Желѣзныя дороги и нѣкоторыя производства, организованныя на англійскій капитал в Индіи, устроены так, чтобы приносить англійским капиталистам крупный доход в 30—50% и давать хорошо оплачиваемыя мѣста европейцам.

Эксплуатируемое таким образом индусское населеніе третируется англичанами, как низшая раса, и не допускается ни к каким отвѣтственным постам. Страна фактически управляется англійскими чиновниками.

Угнетенное положеніе страны вызвало крупное революціонное движеніе, наводящее на англичан естественную

тревогу. Вся страна покрыта сѣтью тайных обществ. Не прекращаются террористическія покушенія и столкновенія с англійской полиціей и войсками. Наиболѣе радикальное крыло индійских революціонеров требует полной независимости Индіи и рѣшительнаго отдѣленія от Британской имперіи.

Англійское правительство отвѣчает на это движеніе суровыми репрессіями — арестами, суровым тюремным заключеніем, высылками, смертными казнями. Тюрьмы Индіи переполнены. Полиція тайная и явная безчинствует во-всю. Но у Англіи все-таки нѣт увѣренности в завтрашнем днѣ, и даже газета «Times» должна признать, что вслѣд за окончаніем войны неминуемо вспыхнет великая революція в Индіи. Это возможное самоосвобожденіе Индіи особенно опасно для англійскаго имперіализма, так как оно пробудит в Азіи общее стремленіе к освобожденію от европейскаго вліянія.

Англійская печать не один раз отмѣчала, что русская революція дала особенно сильный толчок революціонной борьбѣ Индіи против англійскаго правительства. Нападеніе англичан на Архангельск имѣло одной из своих задач спасти Индію: надо было залить русскій революціонный костер, который так повышал температуру в Индіи.

Так общая политика угнетенія сближает судьбы Россійской республики с участью индійскаго народа, борющагося за свое освобожденіе.

Таким же союзником Совѣтской Россіи будет Ирландія, эта трагическая страна, гдѣ семь столѣтій слово «англичанин» произносится с нескрываемой ненавистью. Ирландія испытала прелести англійскаго управленія не в меньшей степени, чѣм Индія. Как тяжело оно было, показывает один тот факт, что за послѣднія 75 лѣт населеніе «Зеленаго Острова» уменьшилось вдвое, хотя во всѣх других странах Европы за тот же період оно удвоилось или утроилось.

Именно Ирландія была первой страной, поднявшей во время войны знамя возстанія против англійскаго имперіализма (весной 1916 г.). В теченіе цѣлой недѣли ирландскіе революціонеры владѣли главным городом Ирландіи—Дублином, и англичанам пришлось разрушить всѣ центральные кварталы артиллерійским огнем, чтобы побудить повстанцев сдаться.

Жестокое подавленіе возстанія (15 человѣк было разстрѣляно, нѣсколько сотен приговорено к тюремному заключенію) не остановило революціоннаго движенія. Партія, боровшаяся за разрыв с Англіей и полную независимость

Ирландіи—шин-фейнеры—именно послѣ возстанія пріобрѣли особенное вліяніе и успѣх в странѣ. Всюду стали возникать явныя и тайныя организаціи, стремившіяся к подготовкѣ новаго возстанія. Населеніе вооружалось, училось военному дѣлу и выжидало момента для выступленія.

Нѣсколько раз за послѣдніе годы новое возстаніе казалось совсѣм близким. Только благодаря поголовным обыскам и массовым арестам англійскому правительству удавалось предотвратить вспышку. Страна наводнена англійскими войсками и полиціей, в ней введена система настоящаго террора.

Понятно, что населеніе только и ждет удобнаго случая, чтобы подняться против своих угнетателей. Даже умѣренныя буржуазныя группы населенія убѣдились, что от Англіи ничего нельзя получить добром и без вооруженной борьбы нельзя обойтись [1]).

В Канадѣ в теченіе войны тоже происходило опредѣленное движеніе, направленное против Англіи. Оно захватило главным образом южную, французскую часть Канады. Антагонизм южной и сѣверной Канады проявлялся и до войны во время страстной борьбы из-за первенства языка и школьнаго обученія. Война, которая не вызвала у южан ни малѣйшей симпатіи, особенно обострила этот антагонизм.

Введеніе всеобщей воинской повинности довело броженіе до крайности,—начались динамитныя покушенія, столкновенія с полиціей и т. д. Эта борьба была обострена экономическим кризисом и растущей дороговизной. В странѣ создалась напряженная атмосфера, при которой всякій лозунг возстанія против англійскаго имперіализма найдет живой отклик.

В другой англійской колоніи—Ю. Африкѣ—дѣло даже дошло до возстанія, быстро подавленнаго. Размѣры его были скрыты англійской цензурой, но судя по заявленію премьер-министра Бота, оно носило угрожающій характер.

Возстаніе, повидимому, произошло в связи с сепаратистским движеніем, обнаружившимся в ю.-африканских колоніях во время войны. Республиканское движеніе в Ю. Африкѣ сперва не ставило в порядкѣ дня полное отдѣленіе колоніи от Британской имперіи. В связи с русской революціей позиція сепаратистов стала болѣе рѣзкой. Они выставили требованіе «немедленно возстановить независимость

---

[1]) Подробнѣе см об. этом в моих книгах: «Революціонная Ирландія» и «Борьба за землю и волю в Ирландіи».

Трансвааля и свободной Оранжевой республики. Выборы 1917 г. показали, что число сепаратистов значительно увеличилось. Одним из виднѣйших лидеров явился извѣстный южно-африканскій соціалист Путсма, вождь знаменитой стачки 1913 г., за участіе в которой он был выслан правительством Бота из предѣлов колоніи.

Сепаратистское теченіе пріобрѣло силу благодаря затяжной войнѣ, которая принесла английским колоніям много тягот. Даже в Австраліи европейская война, в которую Англія втянула и свои колоніи, пробудила дух антагонизма к Англіи, доказательством чего явился провал закона о всеобщей воинской повинности, который хотѣл навязать Австраліи англійскій кабинет.

Против англійскаго имперіализма имѣются сильныя теченія и в других частях Британской имперіи—в Египтѣ и Суданѣ, в Персіи и Аравіи.

Во французских и итальянских колоніях Африки тоже не раз за послѣднее время вспыхивали возстанія против европейцев-угнетателей.

В Азіи вмѣстѣ с Совѣтской Россіей против европейскаго и японскаго имперіализма борется южный Китай, гдѣ торжествуют теоріи своеобразнаго соціализма, кое в чем сроднаго большевизму.

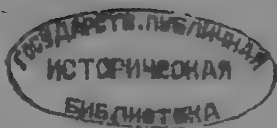
Так нападеніе союзников на Совѣтскую Россію раздѣлило весь мір на два лагеря. Создался новый гигантскій внутренній фронт, раздѣляющій двѣ воюющія стороны, два особых соціальных міра, два различных міровоззрѣнія. По одну сторону стоит рабоче-крестьянская власть с ея борьбой за соціалистическое будущее, с ея ненавистью к царству угнетенія и міровой войнѣ, и вмѣстѣ с ней всѣ угнетенные имперіализмом классы и народности земного мира. По другую сторону находится міровой союз реакціи, «Дружеское Согласіе» воинствующих имперіалистов, новый «Священный Союз» в защиту права «священной собственности», коварная коалиція всѣх сил, борющихся во имя сохраненія стараго экономическаго и соціальнаго строя, готовых поддержать контр-революцію всюду, гдѣ бы она ни зародилась.

Война, об'явленная союзниками Совѣтской Россіи, есть соціальная борьба мірового масштаба, которая ведется не на жизнь, а на смерть между міровым имперіализмом и революціонным соціализмом.

С нападеніем «союзников» на Соціалистическую Совѣтскую республику міровая война вступает в новую фазу — она превращается в борьбу внутреннюю, которая рѣзко раз-

дѣлит всѣх на два стана. Повсюду ляжет баррикада, по одну сторону которой под красным флагом станут борцы за соціализм, а по другую—апологеты войны и прислужники имперіализма, объединившіеся под окровавленным стягом со словами: «война до конца».

Война міровая опредѣленно превращается в войну классовую. Міровая бойня переходит в міровую соціалистическую революцію. И как бы ни были тяжки испытанія, которыя лежат перед Совѣтской Россіей и всѣми борцами за соціализм, конечная и недалекая побѣда будет принадлежать не хищническому имперіализму и его вождям из союзных или центральных стран, а пролетаріату, мощно идущему к соціалистическому міру.

51. В. Милютинъ.	Современ. эконом. развит. Россіи и диктатура пролетаріата	1	р.	5
52. К. Каутскій.	Эрфуртская программа	3	„	—
53. В. Керженцевъ.	Борьба за землю и волю въ Ирландіи (2-е изд.)	—	„	8
54. Коммунисты Запада о Совѣтской Россіи. Сборникъ статей		—	„	6
55. Э. Беллами.	Сказка о водѣ	—	„	1
56. І. Штернъ.	Историческій матеріализмъ	—	„	1
57. І. Штернъ.	Теорія прибавочной цѣнности К. Маркса	—	„	1
58. П. Орловскій.	Возникновеніе рабочаго класса	—	„	1
59. А. Коллонтай.	Работница-мать	—	„	2
60. А. Бебель.	Христіанство и соціализмъ	—	„	2
61. П. Лафаргъ.	Поклоненіе золоту	—	„	2
62. А. Луначарскій.	Культурныя задачи рабочаго класса	—	„	2
63. Э. Вандервельде.	Парижская Коммуна	—	„	2
64. Викентьевъ.	Какъ французы добывали себѣ свободу	—	„	—
65. П. Лафаргъ.	Проданный аппетитъ	—	„	2
66. В. Либкнехтъ.	Мартовскіе дни 1848 и 1871 гг.	—	„	2
67. В. Карпинскій.	Что такое Совѣтская власть	—	„	5
68. Г. Плехановъ.	Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію	—	„	—
69. Скифъ.	Международная политика Совѣтской власти.	—	„	6
70. В. Карпинскій.	Миръ или война	—	„	—
71. Р. Кальверъ.	Соціалъ-демократія и христіанство	—	„	—
72. К. Марксъ.	Наемный трудъ и капиталъ	—	„	—
73. К. Цеткинъ.	Женщина и ея экономическое положеніе	—	„	—
74. Г. Грейлихъ.	Матеріалистическое пониманіе исторіи	—	„	5
75. В. Либкнехтъ.	Революція въ Парижѣ	—	„	2
76. С. Даниловъ.	Черное воинство	—	„	—
77. К. Каутскій.	Соціальная революція	—	„	—
78. К. Каутскій.	На другой день послѣ соціальной революціи.	—	„	—
79. К. Марксъ.	Заработная плата, цѣна и прибыль		„	—
80. Фр. Энгельсъ.	Людвигъ Фейербахъ	—	„	—
81. К. Марксъ.	Нищета философіи	—	„	—
82. В. Мещеряковъ.	О сельско-хозяйственныхъ коммунахъ	—	„	9
83. А. Луначарскій.	Діалогъ объ искусствѣ	—	„	9
84. К. Каутскій.	Происхожденіе первобыт. библейск. исторіи.	—	„	2
85. М. Покровскій.	Экономическій матеріализмъ	—	„	—
86. М. Покровскій.	Царизмъ и революція	1	„	—
87. Фр. Энгельсъ.	Теорія научнаго соціализма. (Анти-Дюрингъ).	—	„	—
88. Ю. Стекловъ.	Послѣднее слово антисемитизма	1	„	—
89. Ю. Стекловъ.	Черная сотня во Франціи	1	„	—
90. Ю. Стекловъ.	Революція 1848 г. во Франціи	—	„	9
91. Ю. Стекловъ.	Политическая полиція и провокація во Франціи	—	„	—
92. В. Керженцевъ.	Библіотека коммуниста	—	„	
93. Фр. Мерингъ.	Карлъ Марксъ	—	„	
94. Фр. Мерингъ.	Въ эпоху войны и краха Интернаціонала.	—	„	
95. Фр. Адлеръ.	Возрожденіе Интернаціонала	—	„	—
96. Н. Ленинъ.	Письмо къ американскимъ рабочимъ	—	„	2
97. Е. Ярославскій.	Великій вождь рабочей революціи (В. И. Ульяновъ-Ленинъ)	—	„	1
98. Я. Жигуръ.	Организація коммунистич. хозяйствъ въ земледѣліи	—	„	5
99. Ватинъ.	Что такое коммуна		„	1
100. Фр. Мерингъ.	Историческій матеріализмъ	1	„	5
101. В. Керженцевъ.	Союзники и Россія	1	„	8
102. К. Радекъ.	Междунар. положеніе и внѣшняя политика Совѣтскаго правительства	—	„	3
103. В. Керженцевъ.	Какъ вести собранія	—	„	6
104. Ріенци.	Какъ должна быть земля наша	—	„	2

Издательство Всер. Ц. И. К. Москва, Тверская, 11.

